

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Влада
Ольховская

Девушка
из Зазеркалья

Виктория Сальери. Детектив, живущий по соседству

Влада Ольховская
Девушка из Зазеркалья

«Влада Ольховская »

2015

Ольховская В.

Девушка из Зазеркалья / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2015 — (Виктория Сальери. Детектив, живущий по соседству)

ISBN 978-5-699-77884-3

Ева Азарова – девушка очень необычная, ее психика позволяет ей думать и чувствовать не как все. Поэтому нет ничего странного, что она смогла увидеть в фотографиях зверски убитых неуловимым маньяком девушек то, чего не смог понять никто: убийца делал из девушек... цветы. Трудно даже представить, что пришлось пережить несчастным жертвам еще при жизни! Зато у Евы опять появился достойный противник для ее «игр разума». И недаром родственники и знакомые Евы очень недовольны тем, что ее втянули в расследование: на этот раз все может закончиться для девушки очень печально, ведь мало того, что ее противник – настоящий сумасшедший, у него нет даже имени!..

ISBN 978-5-699-77884-3

© Ольховская В., 2015

© Влада Ольховская , 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Татуировка	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Влада Ольховская

Девушка из Зазеркалья

© Ольховская В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Иногда бывали такие дни, когда уже и самой хотелось назвать себя офисным планктоном. Усталость была с утра, прямо в понедельник, как будто и не было выходных! Приходилось вставать и плыть через летнюю жару в потоке таких же, как она, усталых обитателей офисов, торговых залов и ресторанных кухонь.

В такие дни Валентина чувствовала себя особенно подавленной. Детская мечта о том, чтобы стать особенной, богатой и знаменитой, с годами становилась не ближе, а дальше. Первый год после завершения университета прошел, а толку? Ее занятия сводились к тому, чтобы с утра приходить в офис, возиться с бумагами, вести подсчеты, а порой и вовсе смотреть в интернете забавные ролики про котят – потому что делать больше нечего, а рабочий день еще не закончился. Сегодня все будет так же, завтра и послезавтра...

А чтобы изменить ситуацию, нужно было сделать нечто невероятное. Что – Валя понятия не имела, у нее и возможности такой не появлялось.

Во дворе ее встречала прохлада, созданная ветками старых деревьев. Но, как только девушка вышла на улицу, солнце ударило по плечам. Оно немилостиво жгло даже через тонкую ткань блузки, хотя час еще был ранний. Что дальше начнется – Валя и представлять не хотела.

На остановке толпились люди, такие же усталые, как она сама. Валя где-то читала, что иностранцы жалуются: мол, русские никогда не улыбаются на улицах. А чего улыбаться-то? Работа скучная, начальство злобное, и перспектив как-то мало... По крайней мере так было для нее. С теми, кто живет по-другому, она лично не была знакома.

Первый автобус Валя пропустила. Она вышла из дома пораньше и могла себе это позволить. В такую жару толкаться в душном, похожем на гигантскую печку автобусе не хотелось.

Зато второй, подошедший буквально через минуту, был полупустым. Вот всегда они так! Сначала придут три штуки сразу, а потом следующий полчаса ждешь! Как будто существует какой-то секретный заговор водителей автобусов... Об этом размышляла Валя, занимая место у окошка.

Утро было нудное, растянутое в пространстве и времени. Золотистый свет солнца, щедро заливающий улицы, не радовал, потому что к полудню ему предстояло превратиться в убийственное пекло. Те, у кого жизнь удалась, сейчас у бассейнов! Валя злилась на них, разглядывая дорогие иномарки, проносящиеся мимо автобуса. Там, конечно, внутри кондиционер, блаженная прохлада и совсем другая жизнь!

Машину с затемненными стеклами она заметила издалека, еще когда автобус стоял на светофоре. Автомобиль был явно дорогой, тюнингованный – на капоте располагалось столько дополнительных металлических деталей, что девушка не бралась и сказать, какой марки это чудо техники. Водитель был нервный, он постоянно перестраивался из ряда в ряд и даже на загруженной улице не сбавлял скорость.

Ничего, скоро этому гонщику придется притормозить! Богач он или нет, а нарушить правила не получится, слишком большой в это время поток транспорта. Впереди светофор, и на зеленый свет этот доморощенный Шумахер уже не успеет!

Он должен нажать на тормоз. Обязан. Валя хотела увидеть момент, надеялась на это, потому что автобус как раз ехал по перпендикулярной дороге и ей открывался хороший обзор. А водитель дорогой иномарки все не унимался, казалось, он вот-вот пойдет на таран!

Никакого страха девушка не чувствовала. Она прекрасно знала, что на такую наглость водитель не решится. Просто он хочет всем продемонстрировать, какая классная у него тачка, как ловко сработает система торможения, активированная в последний момент! Вот уже совсем близко... Буквально пара метров... Что, надеется, что все-таки застанет зеленый свет? Да куда там!

Он не затормозил. Машина даже не убавила скорости, на полном ходу врезавшись в медлительный и длинный автобус. Сонная улица мгновенно перестала быть сонной, наполнившись скрежетом металла, визгом тормозов и криками людей.

Но всего этого Валя наблюдать не могла, потому что время апатичного созерцания для нее закончилось. Чудовищной силы удар вышиб девушку с кресла, повалил на пол. Она приложилась головой о поручни настолько крепко, что ненадолго помутнело в глазах.

Зрение скоро вернулось, ясность сознания – нет. В ушах бурлило море, а в уголках глаз дрожали, словно пепел на ветру, черные и серые точки. Валя плохо ощущала свое тело, поднялась кое-как, шатаясь. Она чувствовала, как по лицу что-то струится; прижала руку, посмотрела – на ладони красное.

О том, чтобы мыслить здраво, и речи не шло. Из-за гула в голове она не могла четко оценить ситуацию, не соображала, что произошло, лишь инстинктивно улавливала: что-то очень плохое.

– Помогите... – одними губами шептала девушка.

Но ее никто не слышал, потому что ни у кого не было ни шанса услышать. Люди вокруг кричали, плакали, выли даже, от боли и отчаяния. В салон автобуса валил черный едкий дым, он еще больше ослеплял, не давая дышать. Откуда-то неслись страшные слова:

– Сейчас взорвется!

Никто не поможет, потому что каждый сам за себя. И она тоже.

Все еще шатаясь, как пьяная, Валя начала продвигаться вперед. Мелькнула короткая мысль, что у нее были с собой какие-то вещи, и тут же угасла. Она может навсегда остаться в автобусе, если вернется за этими вещами!

Сквозь тьму дыма и тумана в собственных глазах Валя различала впереди себя фигуры, видела, куда они двигаются, и шла за ними. Звать на помощь она даже не пыталась, не осталось сил. Она чувствовала, что скоро потеряет сознание, не знала, какие травмы получила при аварии. Ей нужно было быть среди людей, когда это случится!

Иначе она может и не выжить...

Кто-то разбил окно, и все теперь выбирались наружу так. Валя думала, что у нее ничего не получится, только не в ее нынешнем состоянии. Но вскоре она почувствовала под босыми ногами асфальт; девушка даже не помнила, когда сняла туфли.

Вне салона автобуса тоже не было успокоения. Воздух стал очень горячим из-за солнца и разгорающегося пламени. Люди тонули в дыму, мельтешили, представляли от этого странными, непонятными животными. Им казалось, что Валя позаботится о себе сама, раз она все еще на ногах, и на нее никто не обращал внимания.

А она просто брела вперед, по одному крохотному шагочку. Это все, на что оказалось способно ее угасающее сознание. Внезапно она почувствовала, как кто-то осторожно поддерживает ее за плечи.

Эта неожиданная помощь оказалась последней каплей, переполняющей чашу. Валя почувствовала, как остатки сил покидают ее, ноги девушки подогнулись, и она бы упала, если бы все тот же незнакомец не взял ее на руки. Она даже не видела, кто это, и ей было все равно, ее сердце переполняла абсолютная благодарность к человеку, который один из всей толпы обратил на нее внимание!

– Ничего, – тихо сказал он ей на ухо. – Скоро все будет хорошо!

Она не могла ответить ни кивком, ни словом. Попыталась улыбнуться, но не была уверена, что получилось. Валя оказалась даже не в состоянии рассмотреть своего неожиданного спасителя: веки стали тяжелыми, как будто свинцом наполненными, и отказывались размыкаться!

Она даже не знала, почему сразу не потеряла сознание, ведь теперь уже можно. Однако она все еще была способна ощущать, и это оставалось для нее единственным способом полу-

чения информации. Валя чувствовала, как ее несут куда-то, как осторожно укладывают на заднее сиденье машины и накрывают одеялом, как автомобиль трогается с места. Было так спокойно, хорошо и уже не больно даже! Мягкая дрожь салона действовала на нее успокаивающе, и наконец пришло долгожданное забытие. Отдаваясь в его власть, девушка была полностью уверена, что проснется уже в больнице.

Часть 1. Татуировка

Глава 1

Из отражения в зеркале смотрела высокая худощавая девушка. Ее кожа имела тот оттенок, который присущ только рыжим от природы людям, – светлый с небрежной россыпью веснушек. Волосы создавали темный контраст, медными локонами спускаясь на плечи. Глаза зеленые, светлые, как весенняя трава, и внимательные. Возраст девушки угадать было сложно – многие первым вариантом называли двадцать пять. И самой девушке, которая была старше, это нравилось.

Хотя сейчас такая внешность могла сыграть против нее. Рассматривая себя в зеркале, Вика Сальери пыталась понять, сможет ли она производить впечатление руководительницы международного отдела солидной частной клиники.

Роль начальницы была для нее достаточно новой. Она привыкла отвечать только за свою работу, а не распоряжаться другими людьми. И хотя Вика с юных лет стремилась к блестящей карьере, такого поворота она не ожидала.

В принципе, ее новая должность была близка к ее образованию переводчика. А о том, как именно она получила такую работу, лучше и не думать, самой не верится! Она и об одном детективном расследовании раньше не помышляла, а сколько их было за последние годы – не вспомнишь уже. Только именно они в итоге привели ее к лучшим достижениям.

А начиналось ведь довольно мирно, как у всех! Отучилась, пошла работать. Правда, не в переводческое агентство, а в брачное. Но все же по специальности, чтобы вести переговоры и переписку с иностранцами. Что же до места работы... разве она виновата, что самую выгодную зарплату предложили именно там?

На фоне той вакансии Вика и решилась на первую в своей жизни авантюру. Работу в брачном агентстве предлагали только замужним дамам, а девушка на тот момент в браке не состояла, да и под венец не собиралась. Однако упустить такую возможность из-за какой-то мелочи было бы унижительно! Поэтому Вика, недолго думая, заключила фиктивный брак с гражданином Италии Алессандро Сальери.

Такое сотрудничество было выгодно обоим. Оно позволило Алессандро остаться в России, которую он успел полюбить, а перед Викторией открывало солидные карьерные перспективы. Об эмоциональной составляющей Вика тогда не думала, потому что в истинную любовь и прочие драматичные тезисы попросту не верила.

Как оказалось, зря. Любовь и расследования пришли в ее жизнь одновременно, да еще и оказались связаны друг с другом.

Неожиданно для себя Вика обнаружила, что за ней начал охоту самый настоящий псих¹. Как, почему – она не знала. Кто готовится к такому? Да еще и оказалось, что помочь никто не может. Для обращения в полицию ей отчаянно не хватало фактов, подружки в детективных историях были бессильны, родителей пугать не хотелось, а официальный супруг ушел постигать дзен в парах кальяна.

Помощь, как часто бывает, пришла оттуда, откуда не ждали. Вику поддержал партнер ее агентства Марк Азаров, к которому она была приставлена сопровождающей. Он один заметил, что девушку что-то беспокоит, расспросил, не оставил.

¹ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Нецарская охота» (Издательство «ЭКСМО»).

Такая забота подкупала, их отношения развивались – непросто, но ярко. Вскоре Вика узнала, что один недостаток у ее «принца» все же есть, зато какой: Марк являлся единственным опекуном умственно отсталой племянницы Евы.

Причем о существовании родственницы он узнал, уже когда девочке исполнилось четырнадцать. Ева была дочерью его старшей сестры, оборвавшей связь с семьей много лет назад. Так что в один не слишком прекрасный день на Марка обрушились сразу две новости: что Лена мертва и что у нее осталась дочь. Которая, как предполагали следователи, ее и убила.

Окружающие твердили, что Еву обязательно нужно сдать в психиатрическую клинику. Какой от нее толк? Невменяемая, не говорит, да еще и родную мать зарезала! Однако Марк держался твердо. Он чувствовал вину перед Леной, которую не смог уберечь, и хотел позаботиться хотя бы о ее дочери.

Его первая супруга такого рвения не поняла. Она собрала вещи и подала на развод, а буквально через месяц снова выскочила замуж. Марк остался наедине с чувством предательства, да еще и в компании племянницы, которая обращала на него не больше внимания, чем на диван.

Долгое время он осознанно избегал серьезных отношений. Так что их с Викторией роман стал неожиданностью для обоих.

Полодить с Евой на первых порах было тяжело. Особенно при том, что девочка оказалась вовсе не умственно отсталой. Сумасшедшей – да, но при этом Ева обладала очень высоким интеллектом, спокойствием змеи и отдельными повадками бультерьера. При ее ангельской внешности сочетание получалось экзотическое. Вика опасалась ее, понятия не имела, как подступиться.

И снова помогли расследования. Они оказались для Евы отдушиной, способом выпустить агрессию, взять под контроль свой психоз. Всю ярость, накапливавшуюся в ней вследствие болезни, девочка выплескивала при поиске преступников... а иногда и расправе над ними. Впрочем, такой вариант развития событий Вика и Марк изо всех сил старались исключить.

Долгое время Вика не могла понять, как в семье, где ни в одном поколении психов не было, уродилось такое «чудо». Ведь даже маститые специалисты не брались поставить Еве окончательный диагноз! Для себя Вика решила, что дурная наследственность была со стороны отца, о котором Марк ничего не знал.

Жизнь показала, что отчасти она была права – но только отчасти. Реальный ход событий Вика ни за что бы не угадала.

Сестра Марка, Елена Азарова, оказалась втянута в международную преступную организацию. Там она, талантливый фармацевт, занималась изготовлением лекарств и наркотиков. Соглашаясь на эту работу, юная неопытная девушка понятия не имела, во что ввязывается, а когда разобралась, оказалось слишком поздно – ее отправили на отдаленную базу в Таиланде².

Туда же был доставлен и американец Эрик Тайлер – гениальный хирург, только-только закончивший обучение и стремившийся через такую поездку перепрыгнуть сразу несколько ступенек в подъеме по карьерной лестнице. Естественно, и он не представлял, во что ввязывается. Участие в подобных вещах ему не понравилось, зато понравилась очаровательная коллега.

Между Эриком и Леной роман буквально вспыхнул, белые пляжи и жаркое солнце казались идеальным фоном для отношений, а думать о том, чем их заставляют заниматься, не хотелось. Очень скоро девушка узнала, что беременна. Оба хотели покинуть проект – а вместо этого попали в еще более страшную ловушку. Их начали шантажировать ребенком, ведь терять сразу двух ценных сотрудников преступникам не хотелось. Лену заставляли работать даже на поздних сроках, хотя она прекрасно понимала, как опасно дышать химикатами в ее состоянии.

² Читайте об этом в книге В. Ольховской «Магнолии мадам Бовари» (Издательство «ЭКМО»).

Она ожидала, что ребенок родится если не мертвым, то покалеченным уж точно. Однако нет, младенец появился на свет здоровым. По крайней мере без видимых увечий. И на этом история не закончилась. Эрику соврали, что у него родился сын, который сразу же умер. А Лену с дочерью отослали в Германию, под страхом смерти малышки запретив общаться с бывшим возлюбленным.

Лена сдалась – ей казалось, что выхода просто нет. Да еще и дочь развивалась с отклонениями, маленькой Еве ставили то один диагноз, то другой! В ней Лена близкого человека не нашла, да и подходящего мужчину больше не встретила, продолжая думать о том, оставленном в прошлом...

Чтобы избавиться от болезненных воспоминаний, Лена пила все больше, чуть позже под села на наркотики. Ее убил случайный сожитель, позарившийся на ее деньги. А работодатели женщины, чтобы избежать серьезного расследования, во всем обвинили Еву. Та возражать не стала, она вообще тогда ни с кем не разговаривала. Но злобу затаила.

Эрик тоже остался в организации, однако он повел себя умнее. Притворяясь сломленным, он начал тесное сотрудничество с полицией. Благодаря ему удалось избежать многих серьезных преступлений. А он год за годом жил жизнью двойного агента, мечтая о дне, когда сможет снова встретиться с Леной.

Не встретился. Не случилось. Лена умерла, а он даже не узнал об этом. Зато спустя семнадцать лет после их разлуки он наконец увидел Еву. Девушка нашла возможность отомстить тому, кто скрыл истинные обстоятельства смерти ее матери. По иронии судьбы Эрик как раз работал его ассистентом.

Узнав правду, он не смог жить как раньше. Он покинул организацию, разрушив несколько ее ключевых структур. При этом Эрик как врач понимал, что открытия, сделанные в подпольных лабораториях, могут быть использованы и во благо. Ради этого он и занялся созданием собственной клиники, в которой международный отдел и собиралась возглавить Вика.

Ресурсов у него хватало. Научные разработки он хранил годами. Деньги на счету тоже имелись, хотя довольствоваться исключительно собственными средствами не пришлось. Практически сразу собралось немало желающих инвестировать в этот проект.

Одним из них стал Максим Лисицын. Он познакомился с Викой и остальными во время очередного расследования³. Его сводная сестра развлекалась тем, что играла с человеческими жизнями. Максима она терпеть не могла, считая причиной всех своих несчастий. Но убить его, как она уже убила их отца, женщина не решалась – это вызвало бы слишком много подозрений. Два несчастных случая подряд – кто поверит? Вместо этого она решила подчинить брата и использовать его.

Максиму было приказано поймать и убить Вику. Он отказался, хотя знал, что за это заплатит собственной жизнью. Сестра действительно собиралась поиздеваться над ним, а потом отправить следом за отцом. Ее главная ошибка заключалась в том, что в доме-ловушке она заперла не только Максима, но и похищенную вместе с ним Еву.

А никакая извращенка не сможет сравниться с клинической сумасшедшей. Ева быстро разгадала все ее ловушки и использовала против нее. Тогда, как подозревала Вика, Максим и допустил чудовищную ошибку – умудрился влюбиться в этого маленького монстра.

Отчасти его можно было понять. Внешностью природа Еву не обидела... но в природе самые ядовитые создания всегда отличаются яркой окраской! К тому же девушка была умна, этого у нее не отнять. И все равно с человеческой точки зрения она являлась инопланетянкой. Да Максим и сам понимал, что дурная это идея, пытался вырваться, но запутался в собственных чувствах. Вика понятия не имела, как помочь ему, и предпочитала в чужие дела не соваться.

³ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Спонсор на дороге не валяется» (Издательство «ЭКМО»).

Еще одним инвестором стал их сосед, адвокат Даниил Вербицкий. Он владел собственной группой компаний и с удовольствием вкладывал деньги в интересные ему проекты. Вика его сначала побаивалась, но, подружившись с его женой, поняла, что его жестокость – не более чем маска для посторонних.

Переезд в этот поселок в свое время вообще принес много любопытных знакомств. Помимо четы Вербицких, Вика была представлена Вадиму Казанову. Он являлся бывшим опекуном и нынешним деловым партнером Даниила. Он впоследствии очень помог Вике и Марку, когда закружилось очередное расследование.

Однажды Вика видела и Андрея, друга Даниила, весьма странного типа... Он спас ей жизнь, но толком они тогда не общались. Андрей работал на Вербицкого и из-за частых командировок, своих и жены, дома бывал всего пару месяцев в году.

Странно сейчас было оборачиваться к прошлому и думать о людях, которых она узнала, событиях, которые пережила... иногда – пережила с трудом! А теперь ей предстоит лететь в провинцию, отправляться в наполненный солнцем лес, чтобы там встречать врачей из разных стран мира...

– Не слишком ли долго ты крутишься перед зеркалом? – поинтересовался Марк, только что вошедший в комнату.

– Я пытаюсь понять, похожа ли я на большого босса!

– На большого – не слишком. Так, на средненького, довольно костлявого босса.

– Злыдень, – констатировала Вика. – Вот уеду я – будешь скучать!

– Буду, – не стал отпираться он. – О том, что ты уедешь, можешь мне даже не говорить. Ты мне лучше расскажи, когда вернешься!

– Скоро. Эрик сказал, что мне там круглый год торчать не придется. Этот месяц побыть и, может, следующий, пока доктора там обоснуются, все наладится. А потом офис международного отдела будет в Москве, мы с ним это не один раз обговаривали!

Жить посреди леса Вика не собиралась. Особенно при том, что Марк, фактически возглавивший компанию Максима, надолго покидать столицу не мог. Карьера карьерой, а семью рушить не хотелось!

– Я попытаюсь к вам заехать, – пообещал мужчина. – Ева ведь еще не передумала гостить там?

– Пока нет.

– Считаешь, что ей это действительно интересно?

– Считаю, что она делает это в первую очередь ради Табаты!

С этим Вика была полностью согласна.

Если бы врачи, в свое время работавшие с Евой, узнали, что такой девушке позволили заботиться о гиене, они бы приняли это за шутку. В лучшем случае. В худшем – вызвали бы полицию. Потому что гиену вообще-то никому не стоит делать питомцем!

Но с Табатой была особая история⁴. Полосатую гиену вместе со всем семейством выкрали из заповедника, чтобы на них тренировать еще более опасных хищников. Родители и брат гиены были убиты, она осталась одна, да и ей дрессировщик приготовил незавидную участь. Табата едва не сгорела заживо, но из клетки ее выпустила Ева. Отправлять животное, навсегда оставшееся хромым, обратно в дикую природу не представлялось возможным.

Предполагалось, что гиену просто передадут в зоопарк, но Ева против такого решения взбунтовалась. Да и Табата к ней привыкла. Марк и Вика решили уступить, правда, с одним условием: хищнице предстояло жить только в специальном укрепленном вольере, никаких свободных выгулов!

⁴ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Бриллиант предсказателя» (Издательство «ЭКМО»).

Поэтому поездка к Эрику и была так выгодна. Там Табату ждет раздолье: для гигиены выделили просторный участок в лесу. Правда, погода позволяла остаться там разве что до середины осени, но это лучше, чем ничего!

Из-за перевозки Табаты возникли основные сложности. Без нее Вика и Ева еще пару дней назад улетели бы на самолете. А так пришлось дожидаться, пока освободится специальный автомобиль, предназначенный для перевозки крупного животного.

Задержке радовался только Марк, которому не слишком хотелось оставаться одному в пустом доме.

– Мы ведь все равно рано или поздно уедем, – заметила Вика.

– Да, но чем позже вы уедете, тем это ближе к моему отпуску.

– Мне это воспринимать как оптимизм?

– И это тоже. Плюс мне спокойнее, когда я рядом с вами! А то вы то по одной, то сразу вместе влезаете в какие-то непонятные истории!

– Ай, да перестань, – отмахнулась девушка. – Какие неприятные истории могут случиться на месте бывшей секретной лаборатории, принадлежавшей когда-то преступной организации? Не опасней, чем прогулка по пляжу.

– Если только в Сомали...

* * *

Кондиционеры мужественно справлялись с августовской жарой, но совещание все равно длилось беспощадно долго. Время тянулось и плавилось, как карамель на солнце. Концентрировать внимание на очередной монотонной речи становилось все сложнее.

Эту часть своей работы Вадим Казанов ненавидел больше всего. Рутинная – она похуже любой опасности будет. Ты сидишь, а твоя жизнь проходит мимо тебя, как на это реагировать?

Остается только привыкнуть. Многие и привыкают. Это деятельному Вадиму, пристрастившемуся к риску, стрессу, действию, здесь было до смерти скучно. Степенные джентльмены в дорогих костюмах спокойно дожидались, когда кончится их рабочий день.

Впрочем, не все. Среди покрасневших от яркого солнца, одутловатых лиц один персонаж все же выделялся. И Вадим не сомневался, что он чувствует себя таким же несчастным. Следовательно, их в зале двое.

Андрей всегда привлекал внимание даже тех, кто его не знал. И не только потому, что он в отличие от сидящих с ним в одном ряду коллег отличался молодостью и спортивной фигурой. Имелись у него черты и по приметней! Он старался закрыть лицо светлыми, почти белыми волосами, но на белесой коже все равно проглядывали черные полосы татуировки.

При знакомстве это вызывало то удивление, то неприязнь, то насмешку, которую, впрочем, никто не решался высказать. В конечном итоге все сходилось во мнении, что татуировка – ошибка юности. Догадаться, что перед ними бывший участник шоу охоты на людей, не мог никто.

Да он и сам это не афишировал. Тот период своей жизни Андрей старался забыть как страшный сон, и Вадим надеялся, что у него получилось хотя бы отчасти.

Парню не повезло – он родился альбиносом – обладателем внешности, почти лишенной цвета. Его состояние отражалось не только на облике, но и на зрении, да и кожа отличалась чувствительностью. Отчим «белую моль» на дух не переносил, мать, чтобы угодить мужу, сына не особо защищала. Успехи Андрея в учебе для них ничего не значили, им, деревенским жителям, был нужен крепкий помощник по хозяйству, а от болезненного мальчика этого ожидать не приходилось.

Пользу он принес неожиданно. В дом его родителей явились люди, которые предложили купить подростка-альбиноса за большие деньги. Зачем, для чего – этими вопросами родители

не задавались. Они оказались под впечатлением от предложенной суммы. Себя они оправдывали тем, что им еще двух здоровых детей поднимать, а этот все равно долго не протянет!

Андрей, подслушавший этот разговор, был унижен, шокирован, раздавлен. К нему отнеслись как к вещи – как на это можно реагировать? Чтобы сохранить остатки гордости, он решил безропотно принять все, что ему уготовано. Именно это решение в будущем позволило ему сохранить рассудок.

Покупатели оказались организаторами шоу охоты на людей. Ничего не подозревающих жертв забрасывали на безлюдную территорию, где их преследовали и убивали охотники. Схема, хоть и страшная, а привычная – если бы не одно «но». Охоту вели не избалованные жизнью бизнесмены, а люди, которых из всех сил пытались превратить в животных. Делалось это на двух уровнях.

На уровне внешности охотников проводили через серию пластических операций. Им наносили татуировки, удаляли ребра, вшивали имплантаты, делая то ли мутантами, то ли монстрами. Также их учили драться, чтобы они смогли действовать красиво перед камерами.

На психологическом уровне велось полное подавление прежней личности. С помощью медикаментов, гипноза и беспрестанного убеждения их заставляли поверить, что они и не люди даже, а настоящие животные. Они забывали свое прошлое, больше не умели читать и писать, по сути, теряли себя.

Из Андрея, и без того обладавшего экзотичной внешностью, решили сделать Белого Тигра. На все его тело нанесли сложную татуировку в виде тигриных полос. Это стало таким стрессом для альбиноса, что он выжил лишь чудом. Лазерной коррекцией ему вернули нормальное зрение, подточили зубы под клыки. Стали убеждать, что он родился хищником.

А он верил, потому что изначально настроился на веру. Это и спасло его от настоящей ломки, которая обернулась бы сумасшествием. Тогда Андрей не сопротивлялся, зато потом смог оправиться. Он легко распрощался с памятью и отказался от имени. Зачем ему прошлое, в котором его предали?

На охоте Белый Тигр преуспел, став одним из лучших. Когда ему исполнилось двадцать семь, от него решили избавиться, потому что считали, что он надоел зрителям. Он стал слишком предсказуем: всегда побеждал. Да и сам Андрей устал от такой жизни. Он всерьез решил совершить самоубийство.

На той охоте, которую он решил сделать для себя последней, среди жертв оказались Агния и ее подруга, топ-модель Жин-Жин, в миру носившая имя Женя. Андрей решил помочь им, чтобы перед смертью совершить хоть один правильный поступок. Но им удалось выжить...

Вадим долго не мог понять, что представляет собой Андрей на самом деле. Последний самурай? Лжец, который решил использовать девушек, чтобы оправдать предыдущие преступления? Но потом оказалось, что Андрей – просто запутавшийся, не сумевший окончательно повзрослеть мальчишка, который даже в аду смог сохранить собственную волю и принципы.

Выжившие охотники из этого шоу оказались в психушке. Все, кроме Андрея. Ему помогло то, что он сблизился с Жин-Жин. Эта любовь стала для него спасательным кругом, той нитью, за которую он держался, возвращаясь к нормальной жизни. Может, сам бы он и не справился. Но благодаря девушке смог.

Правда, внешние напоминания о днях охоты все равно остались. Свести такую крупную татуировку с кожи альбиноса не представлялось возможным. У Андрея остались бы шрамы на всем теле, выглядящие куда хуже черных полосок. Поэтому пришлось ему и дальше жить в «тигриной шкуре». Зато зубы удалось выровнять без труда, а подпольная коррекция зрения оказалась настолько удачной, что глаза Андрея больше никогда не беспокоили.

Он прошел лечение в частной клинике, много работал над собой, никогда не отказывался от лекарств. Сначала он работал личным охранником Даниила. Потом, набравшись опыта и пройдя обучение, стал одним из партнеров. Андрей курировал в основном иностранные фили-

алы, потому что его благоверная много путешествовала, и такая работа позволяла им оставаться вместе. Судя по всему, Андрей не прекращал тренировки в спортзале, хотя ни о каком возвращении к «охотничьему прошлому» и речи не шло.

Андрей был одним из немногих, знакомством с кем Вадим по-настоящему гордился. Конечно, он был далек от того, чтобы произносить на эту тему пафосные речи. Даже не признался бы никогда! Но он всегда знал, что Андрею можно доверять, они хорошо понимали друг друга.

Вот и сейчас оба откровенно скучали. Но – нужно. Нужно слушать все эти доклады, следить, чтобы с документами все было в порядке. Это тоже часть работы.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем совещание наконец было закончено. Руководители филиалов начали расходиться, а Вадим подошел к Андрею. Тот выглядел даже более усталым, чем сам начальник охраны.

– И надолго ты к нам, на Русь-матушку? – полюбопытствовал он.

– Думаю, до Нового года так точно, – отозвался Андрей.

– Ого! Давно ты так долго здесь не был! Чего это вдруг?

– Женя хочет больше времени уделить своему магазину. Ну, тому, где она свадебные платья продает. Я поговорил с Данилой, он не возражает, считает, что для меня работы и тут хватит.

– Что, не будешь скучать по путешествиям?

– Не особо.

– Возвращение домой радует?

– Нет. Когда так часто перемещаешься, уже стирается ощущение дома, если честно.

Голос Андрея звучал тихо, бесцветно даже как-то. Вадим хотел бы объяснить это простой усталостью, но чувство настороженности все равно появилось. Его собеседник выглядел безразличным ко всему, и это даже не было маской. Зачем ему маска в разговоре со своими?

А с другой стороны, это же Андрей! Он всегда контролирует ситуацию, с ним ничего не случится! Должно быть, просто день не задался. Да и жара свой отпечаток накладывает, Андрею ведь нужно прятаться от солнца, обгорает он мгновенно!

Вадим собирался спросить напрямую, не случилось ли чего, но отвлек звонок телефона. Судя по номеру, общения с ним упорно добивалась законная супруга.

– Даша звонит, – пояснил он. – Извини.

– За что? Чтоб я между тобой и женой встал... да у меня сто причин этого не делать, – усмехнулся Андрей.

Вадим отошел в сторону и нажал кнопку принятия вызова.

– Да, милая.

– Вадик, привет. У тебя уже закончилось совещание?

Даша тоже говорила тихо, неуверенно. Они что, сговорились все сегодня?!

– Совещание закончилось. А ты чего какая-то... напуганная, что ли?

– Новости неприятные есть.

– Какие еще неприятные новости? – мгновенно насторожился Вадим. Он прошел через слишком много расследований, чтобы пропускать подобные слова мимо ушей.

– Да не телефонный это разговор, дома объясню... Ты мне лучше скажи, ты не мог бы подвезти меня в морг?

* * *

Было плохо. И холодно. Все сразу навалилось, безжалостно, как только она пришла в себя.

Сразу была именно такая мысль: пришла в себя, а не проснулась. Хотя пока что она, как ни старалась, не могла вспомнить, где находится и как сюда попала.

То, что она открыла глаза в абсолютной темноте, напугало Валу еще больше. Она вдруг испугалась, что просто ослепла! Или... или ей выкололи глаза – такая мысль, шальная совсем, тоже мелькнула в голове.

От такого страха и с ума сойти можно! К счастью, приподнявшись, Валя все-таки сумела разглядеть, что перед ней дверь, а из-под двери льется белый свет. Но на этом все! А такого скудного источника освещения вообще ни на что толком не хватало. Девушке оставалось только чувствовать, ощущать мир вокруг себя... И открытия были сплошь неприятные!

Она лежала на кровати, застеленной очень тонким матрасом, через который четко ощущалось твердое основание. Кровать была узкой и шаткой, но имела поручни... к которым и были привязаны руки Вали. Веревки были мягкие, но держали надежно, она, как ни старалась, не могла освободиться! А слишком сильно биться и не получалось, потому что в локтевом сгибе правой руки она чувствовала иглу, отзывающуюся болью при каждом резком движении.

Ноги тоже были связаны. А еще... еще исчезла вся ее одежда. Абсолютно. И на фоне нынешней беспомощности ее нагота воспринималась особенно остро.

Впрочем, узкая кровать не позволяла назвать ее нынешнее заточение эротичным. Никакой эротики, издевательство одно! Голова гудит, каждый синяк на теле пульсирует болью, через иглу в вену закачивается какая-то дрянь... Слишком похоже на ночной кошмар, который никак не хочет ее отпустить!

Она постепенно вспоминала, что произошло с ней накануне. Страшная, нелепая авария, перевернувшийся автобус, дым, крики... Валя совершенно не помнила, как выбралась оттуда. Или она не сама выбралась, ее вытащили? В любом случае, она попала в руки к тому, кто совсем не хотел ей помогать.

Ее похитили ранним утром, на глазах у десятков свидетелей! Должно быть, многие смотрели, как ее погружают в машину и увозят. И многих других тоже! Потому что в таких ситуациях люди помогают друг другу! Вот только те, другие, должно быть, давно в больницах. А она здесь...

Валя многое бы отдала, чтобы закрыть глаза, а проснуться в чистой светлой палате. Да в любой палате, лишь бы среди врачей и медсестер... Среди нормальных людей, а не тут, в одиночестве!

– Эй! – крикнула она изо всех сил. Она не знала, громко получилось или нет, в этой пустоте любой звук разлетался гулко. – Кто-нибудь! Выпустите меня! Помогите!

Нет ответа. Даже в отдалении, за этой проклятой дверью, Валя не могла различить даже отдаленных шагов.

А что, если в этом и заключался замысел психа? Привезти ее сюда и бросить одну, чтобы она медленно умирала в темноте? Но зачем тогда игла под кожей? И относительно мягкая кровать зачем? Если бы он просто запер ее в темной комнате, результат был бы тот же!

Непонимание лишь увеличивало страх. Валя снова и снова пыталась освободиться, плакала, звала. Бесполезно. Она осталась один на один с пустотой и безмолвием.

Когда ей казалось, что прошла целая вечность, в комнате вдруг вспыхнул свет. Он был не слишком ярким, но после долгой темноты мог конкурировать с солнцем. Валя зажмурилась, стараясь подавить боль в глазах, а потом осторожно разомкнула веки, чтобы оглядеться.

То, что она увидела, ее совсем не обрадовало.

Кровать, на которой она лежала, напоминала медицинскую. Простыни были белыми, но не новыми – застиранными. Прямо над столом висела большая лампа, напоминавшая хирургическую, но свет шел не от нее, а от нескольких лампочек, развешанных по углам комнаты. Рядом с кроватью стоял высокий металлический столик с инструментами, другой мебели в тесной, лишенной окон комнате не было.

Валя действительно была без одежды. Ее тело заботливо вымыли, ссадины обработали. В руку была профессионально введена игла, соединенная полупрозрачной трубкой с капельницей. Все как в больнице, никаких извращений!

Но это только в плане медицинской помощи. В остальном ситуация была извращенной донельзя.

Дверь чуть приоткрылась, однако не до конца, и девушка не могла разглядеть, кто стоит на той стороне. Прозвучавший мужской голос она никогда раньше не слышала.

– Закрой глаза, – сказал он. – Это шанс для тебя проявить свое желание сотрудничать.

– Сотрудничать?! – поразилась Валя. – Какого черта я должна сотрудничать с тобой?!

Отпусти меня, долбаный псих!

– Это неправильная реакция.

Она и сама знала, что неправильная. Валя смотрела достаточно документальных программ, чтобы знать, как вести себя в случае похищения. По крайней мере, основные советы она помнила. Но сейчас, когда она была привязана к кровати в какой-то конуре, все эти советы казались бесполезными и даже наивными...

– Отпусти меня! – Она попробовала рвануться к свободе, но веревки держали надежно. – Пусти, я сказала!

Мужчина остался совершенно спокоен:

– Я все равно заставлю тебя не видеть. Есть два варианта, как я могу это сделать. Первый – ты закрываешь глаза сама. Второй – я захожу, ты меня видишь, но в наказание я выкалываю тебе глаза, и ты уже не видишь никогда. Выбирай.

Не хотелось верить, что кто-то реально способен на такую дикость. Но Валя уже инстинктивно чувствовала: он способен. Раз он уже зашел так далеко, то... есть ли вообще черта, у которой он отступит?

– Хорошо... – сквозь слезы произнесла девушка. – Хорошо, я закрою глаза!

Она действительно подчинилась, даже не пыталась подглядывать. Что делать, если он действительно выполнит угрозу?! Нет, пока он не нанес ей серьезных увечий – у нее еще есть шанс сбежать. А если она ослепнет, этот шанс исчезнет навсегда.

Она слышала, как открылась дверь и кто-то вошел в комнату; шаги казались тяжелыми. Валя только крепче сжала веки, но слезы все равно просачивались через них, шустрыми каплями катились по щекам...

А потом ей на глаза опустилась горячая ладонь, и девушка невольно вздрогнула.

– Не бойся, – предупредил он. – Это чтобы ты не открыла глаза от неожиданности.

– Какой еще неожиданности?

Он не ответил, но она вскоре и сама поняла. Валя почувствовала укол шприца во внутреннюю сторону бедра, туда, где пульсировала крупная артерия. И довольно болезненный укол! Девушка вскрикнула и, пожалуй, открыла бы глаза, если бы не ладонь похитителя.

– Не переживай, на этом пока все.

– Что это такое? – спросила она. – Кто вы такой? Что вам нужно от меня?!

– Слишком много вопросов.

– Я имею право знать!

– Да? Кто сказал? Кто подтвердит это право? – рассмеялся мужчина. – А впрочем, не важно. Очень скоро все будет хорошо. Ты не получила серьезных травм при аварии, поэтому выздоровеешь быстро, я вылечу тебя. То, что я вколол тебе, – всего лишь витаминный раствор. Он укрепит твои силы.

– А потом? Вы отпустите меня? – с надеждой спросила Валя, хоть и понимала, насколько наивно это звучит.

– Потом я помогу тебе выполнить твое предназначение.

Глава 2

Вадим взял паузу, стараясь нормально воспринять то, что только что услышал. Ситуация яснее не становилась. Да это и понятно, тут сюрреализмом повеяло!

Даша терпеливо ждала. Она вообще отличалась терпением, а тут еще и устала, ей не хотелось тратить силы на дополнительное убеждение. Для нее все это стало сюрпризом, и далеко не приятным.

– Давай еще раз, – наконец попросил Вадим. – Почему именно ты должна ехать на опознание тела?

– Потому что членам ее семьи страшно это делать, – пояснила Даша.

– А тебе не страшно?!

Его супруга не отличалась бесшабашной смелостью Агнии или выдержкой Вики Сальери. Даша всегда была тихой, скромной, крови боялась, хоть и не панически, всякого криминала изо всех сил старалась избегать. Чтобы она добровольно вызвалась смотреть на мертвое тело, да еще и изуродованное... это просто в голове не укладывалось!

Однако девушка была настроена решительно:

– Мне тоже страшно. Но я понимаю ее родственников! Родители сейчас вообще в полубморочном состоянии, а у сестры с рождения слабое сердце. Если она такое увидит, сама умереть может! Серьезно! Представляешь, каково родителям опознавать будет?

Сестра там, может, и со слабым сердцем, но наглости ей точно не занимать! Это ж надо додуматься... Позвонить университетской приятельнице и попросить опознать мертвое тело! Кому это вообще в голову приходит?!

Кому-то, очевидно, приходит.

– Это вообще законно – твоё опознание? – осведомился Вадим.

– Ты и сам знаешь, что не совсем, я все-таки не член семьи. Но там Юля, кажется, смогла договориться. Ей следователь сказал, что тело очень изуродовано... Вот Юльке и страшно!

Чувствовалось, что Даша в любой момент готова заплакать. Вадим не знал, от чего именно: жалости к подруге или страха перед мертвецом. А может, от всего сразу.

Да уж, удружила Юля, спасибо ей большое!

– Но ты хоть сможешь опознать эту девушку?

– Думаю, что да, – кивнула Даша. – Мы с ней не очень много общались, но видела я ее часто. Арина – младшая сестра Юльки... была. Так жутко говорить «была»!

– А ты не говори, – посоветовал мужчина. – Ты точно не откажешься от этой идеи?

– Точно, Вадик.

– Тогда придется тебя отвезти. Но я пойду с тобой, о том, чтобы тебя там одну оставить, и речи не идет!

– Спасибо...

Дочь Настю они пока отвели к Агнии. Та о ситуации знала и вопросов не задавала. Зато их начал задавать сам Вадим, когда машина тронулась с места. Он достаточно имел дело с криминалом, чтобы понять: никакое убийство нельзя оставлять без внимания, даже случайное. А тут даже из кратких реплик Даши видно, что что-то непонятное творится!

Арина Агафонова, двадцатипятилетняя сестра Дашиной подруги, пропала еще зимой. Родственники искали ее своими силами, но заявление долгое время не подавали. Потому что с Ариной такое и раньше случалось: она могла бросить все и уехать в Таиланд с очередным кавалером, а вернуться только через три месяца. При этом то, что родным она не звонила, девушка зазорным не считала.

А они паниковали, писали заявления, названивали следователям. Потом, когда «блудная дочь» все же возвращалась, долго извинялись. В полиции уже начали на них косо смотреть.

Так что когда Арина не вернулась домой после очередной предновогодней вечеринки, у родственников это вызвало лишь легкое раздражение. Опять в загул ушла! А тем более на праздники – самое ожидаемое время.

Но Арина не вернулась. Прошел Новый год, за ним – январь и февраль. Когда и в марте от Арины не появилось вестей, спокойствие развеялось окончательно. Срок был слишком долгий! Либо Арина решила поставить новый личный рекорд, либо случилось что-то серьезное.

В полиции заявление приняли, но не слишком напрягались. Там Арину Агафонову уже знали. И в отличие от ее домашних из-за долгого срока отсутствия не беспокоились. Следователи были уверены, что она просто «вошла во вкус».

А уже в начале августа было обнаружено ее тело. Со слов Даши, изуродованное, но подробностей Вадим не знал. Да и не был уверен, что хочет узнать...

Естественно, семья Арины сейчас была переполнена чувством вины за свое бездействие. Им казалось, что если бы они начали искать тогда, незамедлительно, то ничего подобного не случилось бы! Вадим в этом сильно сомневался.

По дороге в морг выяснилось, что со следователем, который ведет это дело, Вадим знаком. Вместе они никогда не работали, но в общих компаниях пересекались. Сейчас это упростило ситуацию.

Сам Вадим ушел из полиции, когда та еще была милицией, довольно рано, когда потребовалось оформить опеку над Даниилом. Но связи остались.

Следователь встречал их у серого, даже в солнечную погоду казавшегося мрачным здания больницы. Он пожал руку Вадиму, потом представился Даше:

– Савельев Георгий Степанович. Это вы выполняете роль сестры у нас?

Даша нервно кивнула. Хоть она и была уверена в необходимости того, что делает, радости ей это не добавляло. Она и Арина не общались – не только из-за разницы в возрасте, потому что разница как раз была не слишком существенной. Просто интересы у девушек не совпадали, им не о чем было говорить. Арина мелькала перед глазами только потому, что родители постоянно поручали старшей сестре следить за ней.

– Мне сообщили, что тело обезображено, – отметил Вадим. – Насколько там все ужасно?

– Весьма, – уклончиво ответил следователь. – Но не волнуйтесь, тело будет прикрыто. Достаточно, чтобы вы хоть лицо опознали. Ее сестра, Юлия, уже видела ее, ей показывали фото. Погибшая вообще опознаваема, мы смогли установить личность по фотографии, которая у нас имелась в заявлении. Так что лицо в порядке... относительно.

Он настолько показательно не обсуждал состояние тела, что это невозможно было не заметить.

Они вошли в холодный зал вчетвером – Вадим, Даша, Георгий и сопровождавший их медбрат. Тело уже было подготовлено к их приходу, оно лежало на металлическом столе, прикрытое, как и обещал следователь, плотной тканью с головы до пят.

– Вы готовы? – полицейский повернулся к Даше.

– Насколько я вообще могу быть готова...

– Понимаю.

Георгий осторожно сдвинул ткань так, чтобы стало видно лицо погибшей. Даша тихо вскрикнула, и Вадим не винил ее за этот страх. Он сам вдруг четко понял, что их приезд сюда – правильное решение. Потому что нельзя было показывать родителям такое.

«В закрытом гробу хоронить будут», – невольно подумал Вадим.

Лицо было покрыто синими и желтыми пятнами. Желтые притаились возле уголков глаз и под носом. Синие расплывались вокруг желтых: темные, зловещие. Вадим видел, что это не косметика, но четко определить происхождение странной краски не мог. Само лицо не было покалечено, разве что губы казались припухшими, но начальник охраны не знал, какими они были первоначально.

Длинные волосы девушки тоже были выкрашены в темно-синий свет с отдельными вкраплениями желтых прядей. Они, в прошлом роскошные, окружали ее голову спутанными до узлов локонами.

Но в одном следователь был прав: внешность погибшей не изменилась до неузнаваемости. При желании ее можно было опознать даже по фото.

– Господи, – прошептала Даша. – Да, это она... это Арина.

– Спасибо. – Георгий поспешил вернуть ткань на место. – Вы нам очень помогли.

Вадим обнял жену, прижимая к себе. Даша не плакала, но дрожала мелкой дрожью. Не хотелось ее оставлять сейчас одну, но... просто взять и уйти отсюда начальник охраны не мог. Инстинкты не позволяли: он чувствовал, что произошло нечто большее, чем простое убийство. Это сложно было объяснить, можно было лишь понять подсознательно.

Поэтому и нужны были дополнительные вопросы. Вадим достал из кармана ключи и протянул их Даше.

– Дашик, ты можешь подождать меня в машине?

– Зачем? – тут же напряглась она.

– Это ненадолго, я тебе обещаю.

– Ты не сказал, зачем!

– Просто нам с Георгием Степановичем нужно кое-что обсудить.

Мягкость Дашиного характера сейчас сработала на него. Девушка не стала спорить и требовать, чтобы говорили они обязательно при ней. Она лишь окинула супруга укоризненным взглядом, но на большее не решилась.

Когда она ушла, следователь поинтересовался:

– Зачем вам что-то спрашивать? Это дело не касается даже вашей жены, не то что вас!

– Если бы касалось моей жены, то касалось бы и меня. Но в данном случае я просто предпочитаю знать, что происходит в одном со мной городе.

– Здесь много чего происходит, – пожал плечами Георгий. – Люди пропадают, люди умирают...

– Так, давай на «ты» и без лишних словесных изысков, – усмехнулся Вадим. – Мы с тобой не лингвисты все-таки. Ты и сам понимаешь, почему это дело мне интересно и почему не относится к остальным «пропала-убили».

Следователь спорить не стал.

– Понимаю. Да и про тебя мне рассказывали разное...

– Что, например?

– Что ты хоть и перестал быть ментом, а от розыска не отошел.

– По-своему справедливо. Но это не значит, что я рвусь расследовать все подряд. Просто здесь откровенная чертовщина творится.

– Ты даже не представляешь какая, – тяжело вздохнул Георгий, опираясь на один из пустых столов. – Это ведь не первая жертва! Третья уже из того, что мне удалось систематизировать. Просто раньше их не обобщали, да и сейчас я не уверен, что они были убиты одним человеком. Но чувствую: это его рук дело! А что он творит – понять не могу.

– В смысле?

– Я объединил несколько дел только по тому признаку, что тела женщин были изуродованы... и потому что все жертвы были женщинами, которые пропали задолго до убийства. Но на этом все! Во-первых, между самими этими женщинами ничего общего нет. Во-вторых, их изуродовали разными способами, в результате нет ничего общего. Убийца действовал очень грамотно, никаких следов, никаких отпечатков пальцев. Мы даже не знаем, один человек это был или несколько! Честно говоря, сейчас я в тупике. Я знаю, что по городу ходит псих, каких я раньше не видел. Но я не понимаю его логику, что он вообще творит!

– Логика психа вообще понять сложно, не опускаясь до его уровня, – заметил Вадим.

– Да, но общий принцип все равно улавливается! Один душил только блондинок, другой душил женщин, которые похожи на его маму, потому что нелады у него были в семье! Есть что-то общее, за что можно зацепиться, а тут... почти ничего, но садист он редкий.

– Об этом я тоже хочу спросить, потому и попросил Дашу выйти. «Изуродовал тело» – слишком общее описание. Я хочу посмотреть, что именно он творит.

– Легко.

Георгий без промедления сдернул ткань, прикрывавшую тело; на этот раз полностью.

Первой мыслью Вадима была благодарность за то, что Даша этого не увидела. Даже у него от зрелища, открывшегося на металлическом столе, мороз шел по коже. У него, повидавшего на своем веку не один десяток трупов, умевшего убивать!

А следовательно еще и подлил масла в огонь:

– Сейчас не так эпично, она хоть лежит... А когда подвешена была – вообще потустороннее зрелище!

– Подвешена?...

* * *

Жизнь стала такой, как она должна быть. И у многих вызывала зависть. Высказывая искренние комплименты и похвалы, они и не представляли, что их собеседник готов выть от тоски и безысходности.

При этом Андрей не мог точно сказать, что его не устраивает. Умом он понимал, что должен радоваться, благодарить судьбу. А вместо этого он чувствовал себя загнанным зверем, пойманным, запертым в клетке зоопарка – два на два метра. И так будет всегда. Ходи по этому крошечному кругу, пока однажды ночной сторож не обнаружит, что ты мертв...

Конечно, он не имел права на такие мысли. Они были неблагодарностью по отношению к тем, кто помогал ему. Да и не поняли бы они его, даже самые близкие не поняли бы, если бы он сказал, что у него творится на душе. Поэтому он сжимал зубы и терпел.

Нет, сначала-то все было хорошо! Он хотел вылечиться и гордился тем, что у него получилось. А что успокоительные препараты отменять врачи отказывались, так это пустяки. Всего лишь пара таблеток в день – люди и не с такими проблемами живут!

Ему удалось стать нормальным – насколько это позволяла его внешность, конечно. От простого охранника он поднялся до должности руководителя, стал одним из немногих людей, кому Даниил Вербицкий доверял. Андрей и сам был удивлен тем, как ему легко далось обучение. После лечения это было сущей мелочью!

Многие из подчиненных пытались при знакомстве смеяться над ним или открыто высказывать протест по поводу того, что ими руководит подобная личность. Андрей умел пресекать это, и довольно жестко. В какую бы страну он ни приезжал, ему удавалось освоиться. Он начал свободно говорить на иностранных языках, и его коллег это тоже подкупало.

Образованный, обеспеченный, здоровый, женатый на прекрасной во всех смыслах женщине – это был тот идеал, о котором Андрей и мечтать не мог в годы, проведенные в Цирке. Теперь у него все это было, живи да радуйся!

Но в какой-то момент все пошло не так. Он даже не уловил, когда именно это началось. Просто понял однажды, что ему больше ни к чему не хочется стремиться. Эта мысль расстроила, однако Андрей отмахнулся от нее, посчитав капризом.

Время шло, а напряжение нарастало. В теле поселилось странное чувство, сродни боли... Потому что тело хотело вновь сделаться охотником. Чтобы выслеживать, смотреть в глаза тому, кто хочет его убить, и все равно побеждать! Андрей убеждал себя, что это варварство, что такие желания не имеют права на существование. А они все равно возвращались, во сне и наяву.

Не так давно, когда их соседка, Вика Сальери, попала в неприятности, Андрея попросили помочь ей⁵. Нужно было защитить девушку от подосланного к ней наемного убийцы. Вот тогда, в ту ночь, Андрей снова почувствовал себя на сто процентов живым! Мышцы, уставшие от долгого бездействия, пели от радости движения. Он тогда победил, и ему не обязательно было добивать противника. Просто встретиться с тем, кто силен, кто бросает вызов – уже счастье!

Тот случай прошел, он был единичным. Андрей снова почувствовал себя наркоманом, у которого ломка. По ночам он не мог уснуть. Рядом с ним мирно спала Жин-Жин, а он ворочался с боку на бок, стараясь избавиться от мыслей о прошлом, ураганом круживших в голове.

Сейчас его жизнь стала *хорошей*. Правильной или, как сказали бы люди верующие, праведной. Он ведь к этому и шел! Почему он снова мечтает о какой-то грязи, о том, чтобы проснулись животные инстинкты?!

Ему было страшно и стыдно говорить об этом близким. Они так хвалили его, когда он прошел лечение! Если они узнают, что он мечтает вернуться в прошлое, они его не поймут. Андрей не собирался позволять себе шаг назад, он знал, что не простит себя.

Поэтому он обратился к врачу. Сходил к психотерапевту, который курировал его на тот момент, рассказал о проблеме. Доктор списал это на рецидив его заболевания – бывает, нестрашно. Прописал ему новые лекарства, посоветовал «спускать пар» в спортзале.

Андрей исправно выполнял все рекомендации. На тренажерах занимался часами, и многие, даже Жин-Жин, подшучивали над ним по поводу внезапно проснувшейся страсти к культуризму. А он улыбался, втайне надеясь заглушить внутренний голос, который требовал снова стать хищником, а не офисным планктоном. И даром что руководитель, все равно планктон!

Таблетки тоже помогали... наверное. Исчезла бессонница, он засыпал быстро и без сновидений. Исчезли мучительные чувства, как будто разрывавшие грудь изнутри – правда, и остальные эмоции тоже угасли, но это ничего. Можно вытерпеть.

Жин-Жин говорила, что он стал каким-то вялым, сонным. Андрей не знал, правда это или нет. Отстраненно он отмечал, что появилось удушающее безразличие ко всему. Но это и к лучшему. Лучше так, чем постоянно терзаться сомнениями и сожалениями.

Вернее, он убеждал себя, что так лучше.

Он проплывал через каждый новый день, как через болото. Старался делать одно и то же, то, что необходимо. А на что-то дополнительное у него не оставалось ни времени, ни сил.

– Эти таблетки тебя в какую-то рыбину сонную превратили! – злилась Жин-Жин. – Пойди к доктору, скажи, что их нужно заменить!

– Мне нормально.

Она не понимала, они ссорились. Андрей предполагал, что во многом виноват сам – и стал виноват еще тогда, когда не объяснил ей причину своего состояния. Но теперь было поздно возвращаться. Пусть все идет как раньше...

Он предпочитал не смотреть в зеркало. Не из-за татуировки, к ней он уже привык. Было такое чувство, как будто ему... стыдно. Как будто он предал человека, наблюдающего за ним из зеркала, и теперь не имеет права смотреть ему в глаза.

Очень редко, когда Андрей все же думал о будущем, он понимал, что так дальше нельзя. Он сам себя загоняет в угол! Мысль о том, что вся его жизнь будет такой – серой, бесчувственной, бездарной, – пробивалась даже через стену спровоцированного лекарствами безразличия. Но если рассматривать не далекие горизонты, а каждый отдельный день, то вроде как и неплохо.

Жин-Жин почему-то решила, что это на него постоянные путешествия так влияют. Это она настояла на том, чтобы они вернулись в Россию хотя бы на полгода спокойной, нормальной жизни. Она была уверена, что это поможет.

⁵ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Бриллиант предсказателя» (Издательство «ЭКСМО»).

Андрей хотел бы подыграть ей, да энергии не оставалось. Он улыбался через силу и напоминал себе, что у него все хорошо.

Успешный бизнесмен с красавицей женой.

Успешный бизнесмен с красавицей женой и неотступной, неподкупной болью внутри. Нет, первая мысль все же лучше!

Он существовал сквозь все, что с ним происходило. Возвращаясь каждый день с работы, он заранее готовился к тяжелому взгляду супруги и, может, очередной попытке поговорить по душам. Раньше это его то раздражало, то расстраивало. Теперь же было все равно.

Лекарства помогали.

В этот вечер сразу было что-то не так. Инстинкты, еще не до конца уснувшие, подсказали это. Но вмешалось безразличие, оно заставило не обратить внимания на загадочную улыбку жены и ее задумчивый взгляд.

Однако Жин-Жин не обиделась. Она подошла к нему вплотную, закинула руки на плечи. Андрей приобнял ее; не потому что хотелось, а потому что было бы неловко не обнять.

– Любимый, у меня есть для тебя очень важная новость, – прошептала она. А потом сорвалась, отбросила показную таинственность и прижалась к Андрею всем телом. Он чувствовал на шее ее горячее дыхание, слышал дрожащий голос у самого уха: – Андрей, я беременна!

Только этого еще не хватало...

* * *

Забавно было отвлечься от мыслей о будущей работе и почувствовать себя практически беззаботной домохозяйкой. Ведь поездка начинается уже послезавтра, вот тогда стресса хватит! А пока что Вика развлекала себя тем, что училась готовить вишневый пирог. В самой идее было что-то уютное, домашнее и показательно простое.

Правда, с головой погрузиться в мир кулинарных забот не получилось. Девушка как раз заканчивала перебирать ягоды, когда в дверь позвонили.

Кроме Вики, дома находилась лишь Ева, и надеяться, что она откроет дверь, да еще и с радушием, не приходилось. Поэтому Вика торопливо вытерла руки о передник и направилась в прихожую.

На пороге стоял Вадим, что само по себе было неожиданностью. А он вдобавок еще и мрачно поинтересовался:

– Кого ты убила?

– А кого должна была? – опешила Вика.

– Не знаю, но выглядит все так, будто ты сейчас спешно заметаешь следы.

Девушка перевела взгляд вниз, на густо испачканные алым руки и красные пятна на переднике.

– Я истребила значительную часть населения одного дерева, – констатировала она. – А ведь каждая из этих вишен сама могла стать полноценным деревом!

– Ну что я могу сказать... Горе неоправдавшимся надеждам! Я могу войти?

– А Марка дома нет, ты ведь сам знаешь, что он на работе в такое время!

– Что, я могу приходить только к Марку? – удивился Вадим. – Я прекрасно знаю, где он. Я пришел к Еве.

Это его заявление ясности в ситуацию не внесло, скорее наоборот! Вика даже решила бы, что он шутит, если бы не абсолютная серьезность в его глазах. Но зачем ему могла понадобиться Ева?! Уж кто-кто, а Вадим прекрасно знает, что эта девица собой представляет!

Визит определенно был не из разряда простой соседской вежливости. Вика посторонилась, впуская Вадима в дом, и закрыла за ним дверь. Оба прошли на кухню.

– Садись, – Вика кивнула на стул, который каким-то чудом спасся от муки и летящего во все стороны вишневого сока.

– У тебя всегда приготовление обеда напоминает апокалипсис?

– Нет. Иногда оно напоминает заказ пиццы. Ты об этом пришел поговорить?

– Я уже сказал, что пришел к Еве.

– Ты знаешь правила, – напомнила Вика. – Ты, конечно, друг семьи и все такое... Но ведь это Ева! Марк не простит меня, если я просто подпущу тебя к ней и позволю дружески болтать обо всем подряд!

– Ты серьезно считаешь, что я могу навредить ей?

– Я не исключаю, что она может навредить тебе, – парировала девушка. – И не собираюсь испытывать судьбу! Поэтому поясни, зачем тебе понадобился этот пробник Джека Потрошителя, и посмотрим, что будем делать дальше.

Отвечать Вадим не спешил, и уже одно это настораживало. Наконец он выдал:

– Хорошо, я поясню, но ты дослушай меня до конца, а не отказывай сразу!

– Даже если будет сразу очевидно, что нужно отказываться?

– Там реально сложная ситуация, Вика. С ходу и не понять. Я не собирался к вам идти, надеялся разобраться самостоятельно. Но у меня не получается!

– Давай уже без этих предисловий, а? Рассказывай, что случилось.

Совсем не так Вика хотела проводить день, которому полагалось быть свободным от стресса. Однако она видела, что Вадим настроен решительно. Даже если она его сейчас выставит за порог, он все равно найдет способ пообщаться с Евой. И тогда процесс будет менее контролируемым. Лучше не бегать от трудностей, а проследить за всем с самого начала.

Первые же слова начальника охраны показали Вике, что она не ошиблась...

– Около двух лет назад в Москве нашли изуродованное тело девушки...

– Вадим, блин!

– Дослушай, – твердо произнес он. – Пожалуйста. Убийцу тогда искали, но не нашли. Примерно через семь месяцев было обнаружено другое тело, в другом районе. Эти две смерти никак не связали между собой, такое бывает – по разным причинам. Несколько дней назад было найдено третье тело. Следователь, который ведет это дело, предполагает, что речь идет о серийном убийце. Аргумент в его пользу – то, что все тела прошли через... как бы это помягче сказать... искажение. Но есть и несоответствие: трупы не похожи друг на друга. Поэтому версия о том, что этих трех женщин убил один человек, не окончательная.

Опыт в расследованиях помог Вике выработать одно очень важное правило: нельзя воспринимать такие истории слишком образно, сразу думать об убитых людях и переживать. Потому что иначе становится страшно, и ты уже ничего не можешь сделать... Поэтому рассказы о трупах и увечьях теперь были не более чем условиями задачи, как в математике.

И только так. Похожий принцип используют врачи, запрещая себе привязываться к пациентам.

– Какое отношение все это имеет к тебе? – осведомилась Вика.

– Последняя убитая – знакомая Даши.

– Сочувствую...

– Не близкая знакомая, – уточнил Вадим. – Сестра подруги. Конечно, жаль девчонку, но Даша в порядке. И напрямую нас это дело не касается. Но знаешь... Оно меня уже несколько дней не отпускает.

– Это нервное, курс успокоительного пропей.

– Оставь цинизм для другого случая, а?

– Это не цинизм, – возразила девушка. – Это здравый смысл, немислимым образом развившийся во мне после того, как меня сто раз пытались убить представители разных стран и

конфессий. В мире происходит уйма преступлений, и да, я бы тоже хотела засунуть того, кто издевается над девушками, в соковыжималку. Но нельзя ведь лезть в каждое преступление!

Вадим уставился на нее с явным осуждением:

– И это ты мне нотации читать будешь? Серьезно? После того как я половину из этих ста раз помогал тебе сохранить шкуру в целости и сохранности? Я прекрасно знаю, что такое неоправданный риск. И нет, от детективного рвения я избавился еще до того, как познакомился с Даниилом, а было это так давно, что и представить страшно. Но в этом деле есть что-то особенное... Я не могу понять, что творит этот псих, но я чувствую, что это один человек. И именно своим психозом он опасен.

– Что делает, что делает... Убивает, насколько я поняла! Разве так важно, почему он это делает?

– И как, и почему – все важно, – настаивал начальник охраны. – Этот человек живет в одном с нами городе. Как и все серийные убийцы, он не остановится. Напротив, будет убивать больше! Он будет рядом с моей женой, дочерью, с тобой...

– На улицах и так много психов, – заметила Вика. – С этим надо смириться, всех не поймает.

– Но и убивают не все!

Такое поведение для Вадима было несвойственным. Он действительно обычно старался пресечь любые самостоятельные расследования на корню! Импульсивностью он тоже не отличался. Должно быть, есть в этом деле что-то очень необычное...

– Хорошо, ну а от Евы ты чего хочешь?

– Я хочу понять, зачем он так уродует девушек, убийца этот, – пояснил Вадим. – Если мы поймем мотив, просчитать схему поведения будет проще. Соответственно, и поймать ублюдка. Но я никак не могу понять, что он творит! То есть методы известны, их уже давно определили эксперты. А вот логику, то, для чего он это делает, понять не может никто. Вика, я серьезно не собираюсь брать все на себя. Если мне удастся определить, что он делает, я передам эти сведения полиции, а дальше пусть сами пляшут.

Вика уже начала догадываться, к чему все идет, но отказывалась в это верить. Поэтому она смерила собеседника тяжелым взглядом и спросила напрямую:

– Зачем тебе Ева?

– Не придуривайся, а? И из меня придурка не делай. Мы с тобой оба видели, что она может. Она мыслит не так, как мы.

– Не надо мне тут «Молчание ягнят» только устраивать!

– Это не одно и то же! Но Ева... я видел, как она и не с таким разбиралась. Я не знаю, как она это делает. Я даже не могу толком объяснить, что она делает. Но профессионалы здесь уже не справились! Я сам смотрел на эти проклятые фотографии днем и ночью, но ничего не понял! Я даже не уверен, что этих трех женщин убил один человек. Никто не уверен! Может, хоть Ева поймет это?

– А ты не думал, что все это может быть опасно для нее? – возмутилась Вика. – Она ведь все-таки болеет! Что, если эти снимки повлияют на нее, подтолкнут к чему-то подобному?

– Ой, да перестань! Вспомни все расследования, в которых она участвовала. Она и меня, и всех остальных по жесткости обошла! И по самоконтролю тоже. Какие-то фотографии ее не смутят и уж точно не смогут повлиять на нее!

Осторожность требовала от Вики отказаться от этой затеи. Но... обмануть себя не получалось. Девушка слишком хорошо помнила, как Ева разбиралась в поведении других сумасшедших, как могла влиять даже на здоровых людей. А уж ее способность подмечать детали вообще вне конкуренции, это чудо какое-то. Получше компьютера!

Однако при всем при этом она молоденькая девушка, которой только девятнадцать лет исполнится. Это они решили, что она такая непробиваемая. Но что если речь действительно

идет о каком-то уникальном психе? Ева ведь постоянно борется с собственной агрессией. Кто ее знает, что на нее влиять может...

Было несколько вариантов развития событий, и Вике не нравился ни один из них. Выбирая полную безопасность для Евы сейчас, она, возможно, лишает расследование единственного человека, который может внести хоть какую-нибудь ясность. А мир тесен, и кто знает, кого этот маньяк выберет следующей жертвой! Что потом, с чувством вины жить?

Наконец Вика приняла решение:

– Покажи эти снимки мне, может, я что-то соображу!

– Ты издеваешься? Я на них смотрел, следователь, психологи, и не один час... не один день даже! Никто ничего не понял. А ты вот сразу посмотришь и поймешь?

– Нет. Но я, может, пойму, безопасно показывать это Еве или нет.

Втайне Вика все же надеялась, что ей удастся что-то понять. А что? Было бы неплохо обойти и экспертов, и «ветерана сыска» вроде Вадима. Хотя слишком большие надежды на это девушка не возлагала.

– Тогда давай в гостиную пройдем, что ли, – предложил Вадим. – А то у тебя тут следы ягодного побоища повсюду... Эти фотографии и так готично смотрятся, им еще вишневых пятен не хватало!

Тут Вика не стала спорить. Девушка сняла передник, вымыла руки и вместе с гостем прошла в гостиную. Там и света было побольше...

Вадим достал из папки большие, формата А4, фотографии и разложил их на журнальном столике. Вика с самого начала настроила себя на то, чтобы воспринимать это как кадры из фильма, а не как реальность. И правильно сделала! Потому что если бы она позволила себе хоть какие-то эмоции, хоть на минуту представив этих девушек живыми, она бы, скорее всего, потеряла сознание.

Первую жертву выложили на стеклянный стол. Несчастной девушке вскрыли грудную клетку и, очистив от органов, идеально отбелили кости. На руках, раскинутых в стороны, кожу надрезали и растянули так, чтобы получились два одинаковых овала; и снова акцент на белизне кости. То же проделали и с ногами. Нижнюю челюсть то ли сместили, то ли подрезали, но висела она свободно, придавая лицу совсем уж гротескный вид. При этом застывшие глаза жертвы были ярко накрашены, а волосы выкрашены в белый цвет.

«Это все не по-настоящему, – убеждала себя Вика. – Это просто фильм ужасов. Это не люди, это куклы».

Сначала помогало, потом – не очень. Потому что слишком уж реалистичными были эти куклы! Вторая девушка лежала в каком-то грязном бассейне, на плаву ее поддерживал зеленый надувной матрас. Тело лежало на животе, а руки и ноги были связаны так, что локти и колени торчали в разные стороны, тогда как ступни и ладони, выкрашенные желтой краской, сходились на поясице. На коже этой жертвы не просматривалось ни единого пореза, и чтобы придать ей такую позу, явно пришлось сломать не одну кость. Голову несчастной обрили налысо, лица Вика не видела и не жалела об этом.

Третью жертву и вовсе подвесили в полуметре от потолка. При этом держали ее не веревки, а полупрозрачная леска, которая терялась в солнечном свете, лившемся с потолка, и создавалась иллюзия, будто девушка парит в воздухе. Ее ноги были связаны вместе, а руки, напротив, разведены и подняты вверх. Синие волосы уложили так, чтобы они стояли дыбом, лицо раскрасили синей и желтой краской. Но самым страшным было даже не это, а то, что кожу на всем теле надрезали крупными треугольниками. Каждый треугольник отвели в сторону отдельной нитью, и получалось, что жертва висела в коконе собственной растянутой кожи.

Это фильм ужасов. Но он настоящий.

Вика нервно отвернулась, чувствуя, как на лбу испарина выступает. Вадим прав... за этим стоит кто-то больной и опасный. Не только из-за того, что он делает, но и из-за странного

чувства, возникающего при взгляде на каждую из фотографий. Как будто у убийцы действительно была особая цель, более важная для него, чем само убийство! Однако понять эту цель тем, кого природа одарила здоровым рассудком, не дано...

Смерть девушек завораживала, как картины сумасшедших художников. Вика понимала теперь, почему Вадим не мог перестать думать о них: слишком сильна угроза. Такой психоз сравним с одержимостью!

И в то же время... снимки излучали сильное эмоциональное напряжение. Вика ощутила его, Вадим – тоже. Что будет с Евой, если она увидит это?

– Нельзя это ей показывать, – заявила Вика. – Я тебе и так могу сказать, что это один человек сделал!

– Ну и как же ты можешь это так точно утверждать?

– Чувствую! Ты тоже чувствуешь, а нас обоих интуиция обманывать не может!

– Хорошо, но ни мне, ни тебе интуиция не признается, что именно он сделал с этими девушками, зачем издевался над ними так! Если мы этого не поймем, то не сможем и поймать его!

– Вадим, я знаю, что ты хочешь как лучше! Но нельзя показывать это Еве!

– Что показывать?

Они так увлеклись, что даже не заметили, как Ева спустилась по лестнице. А она еще и делать это умеет по-кошачьи тихо, если не хочет, чтобы ее слышали. Теперь девушка стояла на пороге гостиной, прислонившись к дверному косяку. Она наверняка заметила фотографии, но смотрела показательно только на Вику и Вадима.

Может, подслушала их разговор. Может, о чем-то догадалась. Но теперь уже делать вид, что ничего не случилось, не получится.

– Вадим хочет показать тебе жертв серийного убийцы, – признала Вика. – А я против этого, потому что боюсь, что это тебя расстроит...

– Нет. Не расстроит. Сделает такой же. – Бледные губы Евы едва заметно дрогнули; это у нее называлось улыбкой. – Вздор, конечно. Я есть я. Он есть он. Или она. Тигр остается тигром, шакал – шакалом, курица – курицей. Про курицу задумайся.

– Не лучшее время для шуток, знаешь ли, – обиделась Вика. – Тут действительно все очень серьезно.

– Верю. Но чувствую ли я печаль? Нет. Я вообще ничего не чувствую. Но если ты думаешь, что чужая смерть может изменить меня, то зря.

– Вот и я о том! – торжествующе заявил Вадим. – Я пришел сюда, чтобы узнать твое мнение! Оно мне интересно.

– Мне может быть неинтересно составлять это мнение, – пожала плечами Ева. – Не всякое убийство развеивает скуку.

Тут Вика от комментариев воздержалась, зная, что они все равно не будут поняты. Она наблюдала, как Ева пересекла гостиную, остановилась у журнального столика и окинула фотографии равнодушным взглядом. На ее красивом, словно фарфоровая маска, лице не дрогнул ни один мускул. И она явно не убеждала себя, что это кино и все понарошку, ей и правда не было дела.

– Ну? – поторопил ее Вадим. – Что ты видишь?

– То, что должны видеть вы. Что должны видеть все. Раз он оставил это, то хотел, чтобы видели. Кстати, это мужчина.

– Что же мы должны увидеть? – нахмурилась Вика.

– Ирис, кувшинку и орхидею.

Глава 3

Все это напрягало Вику и заставляло чувствовать себя безответственной. Однако Эрик был совершенно спокоен:

– Да не дергайся ты! Все под контролем!

– Это как сказать... Хороший из меня руководитель получится, если я даже приехать вовремя не могу!

– Я тебя умоляю! Как раз руководители и не приезжают вовремя.

Если посмотреть на ситуацию объективно, сама Вика как раз ни в чем не виновата. Задержка намечалась из-за Табаты. Точнее, все из-за того же злосчастного автомобиля. Теперь это порождение автопрома сломалось, чинить его собирались неделю, а варианты с другими машинами Ева даже не рассматривала.

Все это было бы не так настораживающе, если бы не визит Вадима и вся эта ситуация с серийным убийцей. Мало того что Ева с ходу поняла, что он пытался сделать из тех девушек, так она еще и попросила Вадима принести ей материалы по этому делу.

А Вадим согласился! Как будто это не он обещал, что втягивать Еву в это не будет и сам не полезет!

Вика попыталась привлечь Эрика, заставить его как-то повлиять на дочь. Но тот лишь смеялся:

– Вика, ябед никто не любит! Вадим же не таскает ее на место преступления, так? Он принесет ей бумажки: отчеты, фотографии и прочие сыскные аксессуары. Что в этом плохого?

– А то, что речь идет о конкретном психе!

– Мы сейчас о Еве или об убийце?

Словом, он отказывался подходить к ситуации с должной серьезностью. Эрик считал, что «теоретическое» расследование Еве даже на пользу. Когда она занята такими вещами, ей проще контролировать себя. С этим Вика не могла не согласиться.

Вот только она подозревала, что теорией дело может не закончиться.

– Если ты так переживаешь, можешь лететь сейчас, – заметил Эрик. – Я попрошу Марка, чтобы он поехал с Евой. Или Максима!

– Марку нельзя отвлекаться от работы, а Максим неблагонадежен, когда речь заходит о Еве! Да ладно, я подожду эту неделю, если ты не против...

– Вика, я не был против с самого начала. Дело не горит, основная работа начнется только в сентябре. Просто предполагалось, что ты подъедешь пораньше, чтобы самой привыкнуть ко всему.

– Я знаю... Мне жаль, что так получилось.

– Ой, перестань извиняться! Все нормально. Ладно, мне надо идти, Еве привет.

Разговор закончился, и Вика отложила в сторону ненужный уже телефон. Вот вроде бы все и определилось, проблем нет, а на душе все равно тяжело. Но это из-за расследования... чем скорее они с Евой уедут от всего этого, тем лучше! Как Вадим вообще мог?! А, не важно уже...

В данный момент Ева была занята совсем не расследованием. Ее занятие было бы типичным для большинства ее сверстниц, даже желанным – но абсолютно диким для самой Евы. Она согласилась на фотосессию.

Агния, профессиональный фотограф, давно упрасивала ее об этом. И по понятным причинам: Ева с ее льняными волосами и водянистыми голубыми глазами напоминала тонкого стеклянного ангела. Не классическая красота, но то, что долго не забывается! Для фотографа такая модель – сокровище.

Однако сама Ева позировать была не настроена. К своей внешности она относилась просто как к сопутствующему обстоятельству; свою красоту осознавала, но не испытывала по этому поводу никаких эмоций. Ни о каком самолюбовании в социальных сетях и речи не шло!

А тут вдруг Ева сама напомнила Агнии об этой просьбе, да еще и согласилась позировать рядом с Табатой – за короткий период жизни при их семье гиена стала удивительно ухоженной, обзавелась сияющим лоснящимся мехом, чем и приводила фотографа в восторг.

Словом, занятие со всех сторон мирное. Но когда Ева делает то, в чем, по идее, не должна быть заинтересована, жди беды.

Вика подошла к окну, выходящему на задний двор, чтобы понаблюдать за фотосессией. Агния гиену совершенно не боялась, а потому легко работала при открытом вольере.

Они смотрелись гармонично вместе: странный человек и животное, которому ни при каких обстоятельствах не положено быть домашним. От жары Табата открывала пасть, обнажая чудовищного вида клыки, а Ева могла замирать в сантиметре от ее морды и не бояться. Совсем не бояться. А Вике и смотреть на них было страшно!

Она подумывала выйти, но все же не решилась, пока гиену не вернули в вольер. Ева почти сразу ушла к себе в комнату, а Агния осталась во дворе. На спешное отступление «моделей» она не обратила никакого внимания, просматривая снимки на маленьком экране фотоаппарата.

– Ну как? – полюбопытствовала Вика, подходя ближе.

– Идеально! Я уже давно усвоила, что есть люди, которые на фотографиях получаются всегда, даже если вообще не стараются. У Евы как раз тот случай. Смотри!

Агния повернула к ней фотоаппарат. Даже на крошечном экране льдистые глаза Евы завораживали, заставляли смотреть только в них, не обращая внимания на то, где она, кто рядом с ней.

– Завидую, – вздохнула Вика. – Я на половине снимков похожа на сапог. Даже если позирую.

– Почему ты считаешь, что дело в снимках? – невинно захлопала ресницами Агния.

– Да ну тебя!

– Меня – да. А она была бы великой моделью, если бы захотела.

– В том-то и дело, что она не хочет! Поэтому странно, что она сама вызвалась сегодня...

– Может, взрослеет? Какая разница, лишь бы людей не резала!

Агния засмеялась, считая все это шуткой. Вика была настроена не так категорично:

– Сейчас даже не упоминай! Еще Вадим с этим расследованием...

– Каким еще расследованием? – тут же насторожилась соседка. – Дашка рассказывала мне о том деле... Но, насколько я понимаю, Вадик не собирался ничем сам заниматься!

– Да, он, видимо, решил из Евы доктора Лектора взрастить! Пришел, стал просить, чтобы она ему растолковала логику маньяка.

– А она что?

– Растолковала! Это меня крайне напрягает. Я тебе больше скажу: она велела Вадиму принести ей все материалы по этому делу. И ведь он притащит, чую!

– Так, а что плохого?

– Вы сговорились все? – возмутилась Вика. – Что Эрик, что ты... Одна я помню про ее диагноз? Ей нельзя в это лезть!

– Да расслабься! Это же Вадим, он не позволит ей всерьез увлечься расследованием. А пока речь идет о бумажках, можешь не париться.

Если они все говорят одно и то же, то, пожалуй, правы. Но на душе у Вики все равно было беспокойно.

– Ева просила тебя прислать ей эти фотографии?

– Она еще и просить умеет? – удивленно приподняла брови Агния. – Никогда не слышала! Она ничего не сказала про фотографии и вообще почти не разговаривала со мной во время съемки. Да перестань ты везде подвох искать! Все же хорошо.

– Не знаю... Хорошо будет, когда мы будем вдали от Москвы!

– Я сейчас даже не буду напоминать тебе обо всех расследованиях, которые прошли за пределами нашей дорогой столицы! Так что на Москву мне тут не пеняй. Лучше давай сменим тему. Ты на вечеринку к Жин-Жин идешь?

Смена темы была очевидной и настолько же неудачной. Приглашение Вика получила, хотя с Жин-Жин слишком близко не общалась, и не пойти по-соседски не могла. Но от предстоящего торжества уже было неловко.

Потому что ее впервые пригласили на вечеринку по поводу чьей-то беременности! Во-первых, событие казалось Вике слишком интимным, чтобы вот так выставлять его напоказ. Во-вторых, в их семье эта тема давно уже была взрывоопасной, потому что Марк рвался обзавестись потомством, а Вика не то что протестовала, но и смысла спешить, как он, не видела.

– Я все надеюсь, что у меня появится повод отказаться, – призналась она.

– Да ладно! Там весело будет! Ты не думай, что ожидается какой-то курятник, где будут обсуждать пеленки и распашонки! Это ведь Жин-Жин, там действительно вечеринка пройдет, разве что без малейших алкогольных возлияний – будущая мать и все такое.

– Да я не из-за этого... Просто странно, что меня вообще туда позвали! Я раньше была уверена, что пары стараются не привлекать к этому внимания...

– Это же Жин-Жин! – фыркнула Агния. – Она привыкла жить в софитах, она ко всему внимание привлекает! Тем более, подозреваю, она просто хочет собрать близких друзей, с которыми давно не виделась, пока они с Андреем кочевали по Европе и прочим заграницам.

– Но я-то не близкий друг!

Самый близкий контакт с Жин-Жин состоялся, когда Вика выбирала в ее салоне свадебное платье. Все, вот и вся дружба!

Но Агния придерживалась на сей счет другого мнения:

– Ты много общаешься со мной, с Дани, с Вадимом... К тому же Андрей тебе жизнь спас, хотя бы ради этого можешь пойти!

– У тебя какие-то извращенные причинно-следственные связи...

– Какие есть! Прекрати дуться, и жизнь сама собой станет праздником. Ты в последнее время слишком много внимания уделяешь всяким мелочам, которые того не стоят. Используй эту вечеринку как способ сократить ожидание перед поездкой, вот и все!

– Пожалуй, ты права...

– Я всегда права! Пойду работать: хочу скинуть эти фотографии на компьютер и на нормальном экране посмотреть, как получилось! Шикарная модель!

– Будь осторожна, как бы эта модель у тебя жертвоприношение вместо гонорара не потребовала!

– Что я, ради таких кадров курицу не зарежу? – отмахнулась Агния. – Ушла, нет меня тут... Увидимся на вечеринке!

Она направилась к себе через небольшую калитку, соединяющую два участка. Вика осталась во дворе одна – если не считать гиену, которая, впрочем, не стремилась уделить ей слишком много внимания.

Со двора было видно, как по дороге проехал ярко разрисованный автомобиль. Привезли воздушные шарик для вечеринки.

* * *

То, что происходило на заднем дворе, напоминало Андрею день рождения десятилетнего ребенка. Масса разноцветных воздушных шариков, гирлянды, конфетти. Для цветов и подарков пришлось выделить два стола вместо одного. Гости были радостные и трезвые. Они произносили торжественные речи с явной неловкостью, потому что повод был непривычный.

И здесь, на вечеринке, где ему предстояло исполнять одну из главных ролей, Андрей чувствовал себя лишним. Гости спешили подойти к нему, поздравляли, жали руку.

– Вот вы молодцы! Давно пора деток завести!

Он улыбался и кивал, иногда даже говорил что-то в ответ, но редко. Мысли путались, и он боялся ляпнуть лишнее.

– Такие красивые оба, просто преступно с вашей стороны так долго детей не заводить!

Они даже вралі неубедительно. Старательно растягивали улыбку, чтоб смотрелась пошире, но глаза отводили. Они не могли одновременно смотреть на его белесую кожу, на татуировку и озвучивать подобные вещи. В этот момент все они без исключения желали ребенку родиться похожим на маму.

– Ну, желаю сына! Чтобы помощник и заступник! А потом уже дочурку, так оно лучше, когда в семье сначала мальчик, а потом девочка!

Жин-Жин охотно соглашалась с этим и в целом наслаждалась каждым моментом торжества. Потому что она и правда этого долго ждала, он знал.

А Андрей... он старался убедить себя, что должен быть счастлив. Ведь должен же! Потому что ребенок как раз укладывался в ту схему идеальной жизни, к которой он пришел. Ребенка *положено* заводить, поэтому такой новости *положено* радоваться.

И не важно, что там, в глубине души, уже чернеет раздражение. Андрей воспринимал это как новое проявление болезни и мысленно пообещал себе на ночь принять на одну таблетку больше, чем раньше. Пока же навеянного медикаментами спасения не было и в голову лезли не самые приятные мысли.

Если раньше надежда вернуться к прежней жизни, хоть ненадолго, еще теплилась, то теперь он не имел на нее права. Понятно, что и сама надежда была преступной – ведь та его жизнь была сплошным кошмаром. Однако когда он думал о ней, боль затихала.

Теперь же и думать нельзя. Он отвечает за себя, за жену, за ребенка. Никаких авантур, даже та помощь, которую он когда-то оказал Вике, отныне была бы под запретом. Потому что любая схватка – это риск. Что если он не справится? Какой из него тогда муж и отец, если даже он не умрет, а будет покалечен?

Он молчал, терпел, ждал. Думал о том, каким станет ради этого ребенка. Продолжать хорошо зарабатывать – это необходимость. Чтобы сэкономить время, можно даже в спортзал не ходить. Зачем, если прошлое не вернется и о былой силе можно забыть? Полюбить пиво, обзавестись дряблым животом. Смотреть мультики вместе с ребенком и по выходным ходить в зоопарк. Вдруг заметить, что он лысеет, но не обратить на это внимания. Купить большой и удобный семейный автомобиль.

Это все хорошо. Объективно хорошо, так, как должно быть.

– Здорово, что у вас так сложилось, – заявил Вадим. – Каюсь, я сомневался, что у вас получится... Но недолго! Вы такие испытания прошли, что вам теперь все нипочем!

Как это ни парадоксально, в дни тех испытаний было легче. Когда опасность постоянно висела над ними и многое зависело от него, Андрей чувствовал себя более нужным... Не Жин-Жин, нет, она любила его и тогда и сейчас. Просто нужным, в глобальном смысле.

Нет этого теперь.

– Вы станете идеальными родителями, – подмигнула им Агния. – Зуб даю! Женька так точно превратится в мамочку-курочку!

– Я тебе дам курочку! – возмутилась Жин-Жин.

– Помяни мои слова! Ты будешь домоседкой, а Андрей продолжит сворачивать карьерные горы!

Да кому они нужны, эти горы? Гора высотой всего лишь с офисное здание...

Вот у Агнии и Даниила все было правильно. У Вадима и Даши, кстати, тоже. Там детей хотели оба, ждали, искренне радовались, когда узнавали счастливую новость. Вечеринок по этому поводу не устраивали. Они не изображали идеальную семью, они наслаждались жизнью!

Иногда Андрею хотелось спросить, как им это удастся. Но он вовремя останавливал себя, знал, что его не поймут.

Потому что нельзя не любить собственного ребенка. Это святая обязанность каждого родителя по умолчанию, и отсчет начинается не с появления малыша на свет, а с того дня, как к этому появлению начинают готовиться.

Если он не любит своего ребенка, он чудовище. А ведь именно от этого Андрей убежал столько лет! Он хотел стать нормальным, а семья с малышом – это лучшее проявление нормы.

Подружки Жин-Жин тараторили прямо под ухом:

– Вы кого хотите – мальчика или девочку?

– Как назвать планируете?

– Женечка, куда поедешь рожать? Рекомендую Америку, там сразу гражданство дают любому ребенку, родившемуся на их территории!

– Какая Америка? Вчерашний день! Рожать нужно в Швейцарии, там замечательная экология!

Их высокие, визгливые почти голоса били по нервам, как и мельтешение ярких красок перед глазами. Хотелось взять и уйти – или взорваться, послать всех к черту, признаться, что он не рад быть здесь... и отцом тоже становиться не рад!

Но помогали таблетки. Они держали его в узде, заставляя с улыбкой принимать подарки и отвечать на поздравления.

– Готовься, быть папашей тебе понравится, – заявил Вадим, когда они встретились у стола с напитками. – Это на самом деле неповторимые эмоции... Хотя уже уличным котом по крышам не попрыгаешь!

– Я знаю. Я давно уже не прыгаю.

– Раньше-то я тебя еще привлекал к спорным делам, где мордобой предвиделся... А теперь нет уж, уволь! А то твоя красotka мне глаза выцарапает!

Вадим просто шутил, ему казалось, что ситуация и правда забавная. Тем более что Андрей из вежливости посмеялся вместе с ним. Но в груди заныло сильнее... Особенно когда начальник охраны добавил:

– Тут еще и одно неоднозначное дельце наметилось... Я подумывал о том, чтобы к твоей помощи прибегнуть. Но у тебя сейчас своих забот хватит с лихвой! Три первых месяца – они самыми сложными часто бывают. Хотя у нас с Дашкой не так было...

Он еще что-то говорил, а Андрей не слушал, просто не в силах был слушать. Счастливые картины семейной жизни, мелькавшие в воображении, внушали ему чуть ли не суеверный страх. Приходилось убеждать себя, что это напрасно, он сам не знает, что творит, что скоро все наладится. Он привыкнет быть другим... домашним.

Если сам не привыкнет, то таблетки помогут, они всегда помогают.

Андрей преуспел в самообмане, и теперь у него почти получилось убедить себя. А потом, в самый неподходящий момент, он увидел ее...

Эта девушка и раньше мелькала в поселке, кажется, она была родственницей Вики или Марка. Андрей видел ее, но не обращал внимания – чего ему засматриваться на какую-то малолетку? Зато теперь он впервые встретился с ней взглядом...

Его словно жаром обдало. Она ничего не делала, не улыбалась даже, и ее тонкое лицо оставалось безучастным ко всему. Но глаза... глаза были водоворотом, соединявшим в себя агрессию, умиротворенность, безумие, и мудрость, и бесконечную хитрость, и жажду охоты. То, чего в глазах такой молоденькой девушки по определению быть не должно!

И то, что он выжег в своей душе с помощью медикаментов, чувства, которые Андрей для себя назвал запретными, в ее душе жили и процветали.

Она еле заметно улыбнулась, развернулась и ушла. Андрей был уверен, что она все поняла. Но водоворот эмоций остался, словно перекочевав из ее взгляда в его душу. Он так долго прятался от безумия, а оно все равно нашло его чуть ли не в собственном доме, подошло поближе и заглянуло в глаза.

* * *

Действительно становилось лучше. Правда, Валя не могла сказать, как быстро это происходило, потому что она окончательно потеряла счет времени. Это довольно легко, если в комнате окон нет, а свет включается только тогда, когда заблагорассудится ее похитителю.

Первое время она еще пыталась просить его о чем-то. Вспоминала все нехитрые психологические трюки, что были известны ей из фильмов: называла ему свое имя, рассказывала о прошлом. Бесплезно, он никогда не реагировал, может, и не слушал даже.

Скорее всего, не слушал. А еще он никогда не позволял ей смотреть на него. Он мог войти в темную комнату и завязать ей глаза, а потом только включить свет. Мог, по настроению, приказать ей не смотреть на него под страхом лишиться ее зрения. Валя никогда не пыталась подсматривать, потому что не знала, насколько этот человек безумен. Он уже похитил ее, значит, и угрозу свою выполнить может!

Единственным небольшим плюсом было то, что он практически не дотрагивался до нее. Делал это тогда, когда нужно было обработать ее раны, сделать укол, помочь девушке перевернуться, чтобы не образовались пролежни на спине. Все это время на его руках были надеты резиновые перчатки, скорее всего, хирургические – Валя чувствовала их.

Он не бил ее и никогда не пытался воспользоваться тем, что она обнажена и привязана к кровати. Валя не знала, как это понимать. Воспринять как благородство? Или, наоборот, ждать абсолютной жестокости?

Когда она еще была ослаблена последствиями аварии, девушка и не помышляла о том, чтобы сбежать. Но постепенно к ней возвращались силы, ушибы переставали болеть. Прошло то время, когда она бессильно плакала, парализованная страхом. Валя привыкала к своему чудовищному окружению, и ей хотелось действовать.

Она начала расшатывать поручни кровати, к которым были привязаны ее руки. Понемногу, по чуть-чуть, делая частые перерывы и прислушиваясь – ей не хотелось, чтобы похититель застал ее за этим занятием! Валя предполагала, что ей удастся сломать кровать, но получилось несколько иначе: она ослабила веревку.

Когда ее рука вдруг выскользнула из пут, это было так неожиданно, что Валя даже не посмела поверить в успех. Она ведь по-прежнему ничего не видела в темноте, могла только чувствовать! Однако она не ошиблась, ей и правда удалось освободиться.

Валя поспешно развязала веревку на второй руке, на ногах. Хотела достать иглу из вены, но в последний момент замерла. Что, если это опасно? Он ведь ни разу так и не сказал ей, что вводит! Может, если она избавится от опостылевшей капельницы, то долго не протянет?

Поэтому девушка решила пока не принимать кардинальных решений и подкатила капельницу к двери. Здесь видимость была получше, потому что в щель под дверью всегда проникал белый свет.

Его было достаточно, чтобы Валя рассмотрела замок. Довольно примитивная конструкция, почти как в доме ее бабушки. Она такой замок в подростковом возрасте не раз вскрывала, наловчилась! И сейчас, может, получится...

А может, и не получится. Тут нужно подумать! Пока что самое плохое, что сделал ей похититель, – это раздел и иголку под кожу ввел. Он ни разу не ударил ее и исправно заботился о ней. Но ее попытка побега его явно не обрадует!

Если ей удастся освободиться, ей его мнение будет до лампочки. Но Валя и подумать боялась о той судьбе, которая ее постигнет, если побег сорвется. На нынешнем этапе еще можно все исправить: вернуться на кровать, притвориться, что она по-прежнему привязана. Но стоит ей только начать ковыряться в замке, как пути обратно не будет!

Эйфория от того, что она освободилась, прошла, и теперь Валя терзалась сомнениями. Может, лучше все оставить как есть? Да, плохо, унижительно, но не смертельно же! Даже для жизни не опасно.

Ее уже наверняка ищут. Высока вероятность, что найдут, ведь были свидетели, видевшие, как этот мужчина загружал ее в свой автомобиль! Ей нужно всего лишь вести себя тихо, мирно, не дергаться и не злить похитителя. Ее вот-вот освободят, ей даже напрягаться не придется, не то что рисковать.

Поэтому Валя в конечном итоге отказалась от побега. Она не была уверена, что это правильное решение, но... так ведь проще! Лежи, молчи и терпи. Кто с этим не справится?

Тяжело вздохнув, она вернулась на кровать. Но определенную подстраховку Валя для себя все же оставила. Она изрядно повозилась с веревками, чтобы они только выглядели плотно затянутыми, а на практике она могла бы в любой момент освободиться. Девушка не знала, что ей это даст, но так было спокойнее.

Время тянулось все так же медленно, однако теперь Валя чувствовала себя увереннее. Она чутко прислушивалась, стараясь уловить момент, когда наконец за дверью послышится топот десятков ног и в эту проклятую комнатушку ворвется команда спасателей...

Но спасателей не было. Целую вечность спустя зазвучали одинокие шаги. Валя напряглась, чувствуя, как страх липкой смолой растекается по венам. Напрасно она твердила себе, что все хорошо, уже столько времени прошло, что наверняка поиски уже завершены и ее вот-вот спасут. Бесполезно. При этом об отказе от побега девушка не жалела, ей казалось, что у нее все равно бы ничего не получилось.

Дверь открылась, но свет не вспыхнул. Такое уже было, и Валя знала, к чему все идет. И действительно: он подошел к ней в темноте и завязал глаза. Потом по ту сторону повязки загорелись яркие огни... как показалось девушке, более яркие, чем обычно.

– Ты очень хорошая, – тихо сказал мужчина. – Молодая и здоровая. Ты почти здорова. Настолько здорова, насколько мне нужно.

– Что нужно? – прошептала она.

– Все будет замечательно.

Прежде чем она успела хоть что-то сообразить, Валя почувствовала укол в шею. Этот отличался от предыдущих, и не только тем, что был безболезненным. После него сознание стало резко замутняться...

А пробуждение было тяжелым. Очень. В сравнении с ним тот первый раз, когда она проснулась здесь после аварии, казался райским впечатлением. Сейчас все ее тело было одним пылающим очагом боли. Губы пересохла и горло саднило, а мышцы словно свинцом налились. Она не могла пошевелиться, даже дышала с трудом.

В первые моменты после пробуждения ощущения были настолько сильны, что полностью захлестнули сознание. Валя тонула в них, пыталась дернуться, но получалось слабо: то ли наркоз не прошел окончательно, то ли с ее телом произошло нечто такое, о чем и думать не хотелось.

Но постепенно она адаптировалась. Мозг, который понял, что она не может устранить источник боли, начал притуплять ощущения. Вот тогда Валя и сообразила, что в ее комнате непривычно светло.

Похититель оставил свет включенным, хотя сам ушел. Она поняла почему. В его решении сквозил неприкрытый садизм, ему хотелось, чтобы девушка все увидела своими глазами.

Он изуродовал ее тело. На участке от низа живота и до верхней части ребер, сразу под грудью, располагались несколько небольших выпуклостей. Они образовались не сами по себе, он что-то вшил ей под кожу. Туда, под странные имплантаты, тянулись черные непрозрачные пластиковые трубки, и девушка не могла понять, выкачивают они что-то или вкачивают в нее.

Да и не до того ей сейчас было. Страх сменился неконтролируемой, звериной паникой. В нее что-то вшили! Была полостная операция, и неизвестно, какие еще последствия она принесет! Если бы Валя не была так слаба, она бы уже металась, кричала, старалась вырваться из веревок. Но для ее тела слабость и серьезность травмы сейчас значили больше, чем ее эмоции.

Она осталась одна, наедине с новоприобретенным уродством, беспомощная и без шанса на побег. В этот момент лишь одна мысль была четкой и ясной: она ошиблась, когда выбрала выжидание вместо действия.

Глава 4

У Вики было много причин запросить себе копию тех файлов, которые принес Вадим. Та, которую она озвучивала, была предсказуема: безопасность Евы. Чтобы эта особа, по сути своей лишенная инстинкта самосохранения, не влезла в неприятности, ее опекуны должны все держать под контролем.

Вторая причина несколько противоречила первой, поэтому о ней Вика особо не распространялась. Она была согласна с тем, что убийцу, способного на подобное, нужно остановить. Как можно вообще спокойно ходить по улицам, если знаешь, что тебя могут похитить, изуродовать и убить – последние два действия не обязательно в таком порядке. Вика хотела бы помочь следствию, что-то заметить... Она даже смела надеяться на это, памятуя о своем предыдущем опыте.

Но самоуверенности пришлось отступить. Между жертвами не было ничего общего.

Первая – «орхидея». Та самая женщина, которой разрезали грудь. Ей было тридцать три года, и можно было бы сказать «всего», если бы не тот факт, что она стала старшей из жертв. Олеся Чайка приехала с Украины, причем довольно давно – так давно, что успела легализоваться. За тринадцать лет работы на рынке она накопила на комнату в коммуналке.

А все потому, что торговать Олеся умела. Она была улыбчивой и разговорчивой, но при этом не стеснялась обвешивать даже постоянных клиентов. Причем делала это без угрызений совести, считая совершенно естественным. Если человек позволяет себя обманывать, значит, можно – так она говорила коллегам.

Олеся не была красивой, а постоянные проблемы с кожей и редкие волосы, которые она могла не мыть неделю, лишали ее даже шанса на звание «очаровательной». Близких друзей женщина не имела из-за склонности к плутовству, но совершенно не страдала по этому поводу. Замужем не была, да и детей не родила.

Вторая жертва относилась к тем, кого называют «золотой молодежью». Дочка влиятельного банкира, студентка, она в девятнадцать лет уже была настроена на карьеру. Отличалась резкостью и занудством, поэтому одноклассники ее переносили с трудом, хотя и уважали. Марина Белкина имела свой круг общения, однако никого отдельно не выделяла – так бывает, когда постоянно боишься, что с тобой дружат только из-за денег отца.

Внешность у Марины была самая обычная, поэтому изюминку девушка создавала искусственно: через смелую стрижку, необычные наряды и яркий макияж. Впрочем, до клоунады не доходило, во вкусе ей было не отказать. Ухажер тоже имелся и, насколько удалось узнать следователям, шла речь о скором официальном браке.

Ну и, собственно, третья жертва. Арина Агафонова, красавица-модель, тусовщица и свободная личность. Такая свободная, что никто и не заметил, как ее унесло попутным ветром.

– Чувствуется, что следователи копали со всех сторон, – признала Вика.

Они с Вадимом сидели в кухне. Начальник охраны согласился остаться на чашку кофе, потому что надеялся, что Ева уже сегодня скажет ему что-то новое, важное. Вика в этом сильно сомневалась. Даже если чертовка выделит общую черту у жертв, еще попробуй вытяни у нее эту информацию!

Так что пока приходилось полагаться на свои силы.

– А куда им еще деваться? – вздохнул Вадим. – Что-то делалось еще до того, как эти случаи объединили. Много добавил уже Савельев, за что ему честь и хвала. Но пока четкой версии нет.

– Я слышала, что маньяки могут убивать вообще любых женщин, если они на это настроены...

– Могут. Но нашу работу это только усложняет. Понимаешь, все, что мы узнаем об этом уроде, – не любознательности ради. Его мотив, принцип выбора жертв... Это ключ к поимке.

– Ты специально озвучиваешь очевидные вещи? – обиделась Вика. – Кстати об очевидных вещах... Ты ведь заметил, что у всех троих не было детей?

– Заметил. Если именно по такому критерию убийца выбирает жертв, то у нас почти такие же проблемы, как если бы он охотился на всех женщин подряд.

– И они не были замужем...

– Это разные варианты «незамужества». У одной не было никого, у второй имелся какой-то кавалер, третья, насколько я понял, отличалась редкой неразборчивостью...

– А не мог это сделать тот самый кавалер? Может, он как-то появлялся в жизни других жертв...

Вика и сама понимала, что это даже обсуждения не заслуживает. Если бы был человек, с которым были знакомы все три жертвы, следствие бы за ним днем и ночью по пятам ходило!

К счастью, Вадим воздержался от иронии, вместо этого он сказал:

– Кто бы это ни сделал, в профессионализме ему не откажешь. Об отпечатках пальцев и речи не идет, следов тоже нет... Мы до сих пор не знаем, как он похищал их и как потом подбрасывал обратно... Он ведь сделал так, чтобы все тела нашли до того, как началось разложение. Теперь-то понятно, почему, если он из них цветы делал! Черт, мы даже то, что это «он», узнали только от Евы, до этого прямых указателей не было, только косвенные вроде значительной физической силы!

– Мы до сих пор не знаем, он это или она, – напомнила Вика. – Потому что от Евы мы вообще ничего узнать не можем, она же только предполагает! Не делай из нее оракула какого-то, а?

– Я и не делаю. Но оценивать людей я умею, на что Ева способна – видел. Поэтому в данном случае я ей доверяю. Если бы можно было от нее побольше объяснений добиться!

– Мечтай! Мы этого уже много лет сделать не можем...

Вика снова перевела взгляд на фотографии. С них на нее смотрели три совершенно разные женщины, тогда еще живые, молодые и полные надежд. Вспоминать снимки «после» даже не хотелось...

– Здесь нет точных сведений о том, как они пропали, – девушка кивнула на документы.

– Потому что точных сведений и нет. Первую, Олесю, соседи по коммуналке последний раз видели, когда она куда-то уходила нарядная. Куда – она им не сказала, а они не спросили, потому что там своя жизнь у каждого, они друг к другу стараются особо не лезть. Она ушла из дома добровольно, одна, и больше не вернулась. Арина, ты уже знаешь, пропала с вечеринки... А на самой вечеринке это произошло или по дороге домой – кто ж поймет! Белкина, студентка эта... Она просто пропала. Выехала из университета, должна была пообедать и направиться к отцу в офис, она там практику проходила... Не знаю, как с обедом, а до офиса она не добралась. И все, снова никто ничего не знает! Я тебе больше скажу, ее папаша пытался искать ее своими способами: и полиции приплачивал, и людей опытных нанимал, но все бесполезно. О чем это нам говорит?

– Все о том же профессионализме, – признала Вика. – Если все эти спецы его не нашли, то это не они тупые, а он такой неуловимый.

Начальник охраны бросил на нее красноречивый взгляд, который она поняла, хоть и не была рада этому. Снова намекает, что Еву просто жизненно необходимо втянуть в расследование, а иначе весь мир в опасности!

Он драматизирует, преступника и так поймают. В это Вика хотела верить. Но вместе с тем она нутром чуяла, что в этом деле есть что-то необычное...

На лестнице послышались шаги. На втором этаже сейчас была только Ева, поэтому догадаться, кто это, не составляло труда. Вадим и Вика, не сговариваясь, развернулись к двери.

А Ева спустилась вниз без документов. Она была в майке и укороченном джинсовом комбинезоне, волосы убрала назад повязкой – она всегда одевалась так, когда собиралась чистить клетку гиены. Дополнительным подтверждением ее планов служило пластиковое ведро в руках у девушки.

– Это что вообще? – удивился Вадим.

– Ведро, – констатировала Ева.

– Я не о том! Я думал, что мы сейчас обсудим файлы!

– Мысль, не имеющая под собой основания. Я такого не обещала.

– Ты что, совсем ничего сказать по этому делу не можешь? – возмутилась Вика.

Ева идеями не прониклась, она едва заметно усмехнулась:

– Могу. Мир праху.

– Не смешно! Нужно найти убийцу!

– Мне нечего сказать.

Не удостоив их дополнительными комментариями, девушка направилась к выходу. Вадим проводил ее разочарованным взглядом.

– Вот ведь зараза! Значит, не заинтересовалась, потому и молчит!

– А я именно на это и надеюсь, – поежилась Вика. – Может оказаться, что она как раз заинтересовалась и молчит. Это в ее случае, поверь, гораздо хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.